

Ukrainiskij Nauchnij
žurnal
"Političeskaja Dumka"

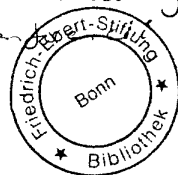
7455-

Ukrainško - Rossijskij Dialog;
Ukrainško - Rossijskoe
strategičeskoe partnerstvo v
evropejskom kontekste
Украинско-российский диалог:

**УКРАИНСКО-РОССИЙСКОЕ
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

**Материалы
международной научной конференции**

Materialy meždunarodnoj
nauchnoj konferencii

A 98 - 08417

Kiev

27 - 22 nojabrja 1997 g.

Международная конференция
**«Украинско-российское стратегическое
 партнерство в европейском контексте»**

Организаторы:

- Украинский научный журнал "Політична думка"
- Институт мировой экономики и международных
отношений НАН Украины
- Институт посткоммунистического общества (Украина)
- Журнал "Полис" (Россия)
- Фонда Фридриха Эберта

**Материалы конференции изданы при поддержке
 бюро Фонда Фридриха Эберта по сотрудничеству в Украине**

*Издание подготовлено на основе текстов докладов,
 а также фрагментов стенограммы выступлений участников конференции.*

Подписано к печати 5.12.97.

Тираж — 200 экз.

© "Політична думка" 1997

© "Институт посткоммунистического общества" 1997

СОДЕРЖАНИЕ

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЗИЦИЯ УКРАИНЫ <i>Александр ДЕРГАЧЕВ</i>	5
РОССИЯ И УКРАИНА В НОВОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ <i>Татьяна АЛЕКСЕЕВА</i>	10
РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ <i>Владимир АБЕРЧЕВ</i>	14
УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ <i>Евгений БЕРШЕДА</i>	15
УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ОПЫТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ <i>Сергей МАКЕЕВ</i>	19
СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ <i>Петр ФЕДОСОВ</i>	24
ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ (уроки Украины и России) <i>Юрий ПАХОМОВ</i>	26
ОПЫТ КАК ФАКТОР, ОБЪЯСНЯЮЩИЙ МЕЖДУНАРОДНУЮ ПОЛИТИКУ (на примере России, Украины, США) <i>Бен ГОЛДСМИТ</i>	30
ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БРАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ УКРАИНЫ И РОССИИ <i>Юрий НИКИФОРЕНКО</i>	33
"СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО" В СВЕТЕ НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ <i>Олег БЕЛЫЙ</i>	41
ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ И УКРАИНЕ <i>Сергей КОЛЧИН</i>	45

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ <i>Владимир ПЕТУХОВ</i>	48
---	----

ОПЫТ И УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ <i>Сергей ТЕРЕХИН</i>	53
---	----

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ МЕХРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ РОССИИ И УКРАИНЫ <i>Василий РЯБЫХ</i>	55
--	----

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ДЕЗИНТЕГРАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТЫ В СТРАТЕГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УКРАИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ <i>Владимир СИДЕНКО</i>	57
--	----

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ АСПЕКТЫ УКРАИНСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ <i>Андрей ЛУКЬЯНОВ</i>	60
--	----

ИДЕАЛ ЗАПАДА И РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ ДЛЯ УКРАИНЫ <i>Евгений БЫСТРИЦКИЙ</i>	63
--	----

РОССИЯ И УКРАИНА: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ <i>Игорь ПАНТИН</i>	70
--	----

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ВЛАСТИ В ПОСОВЕТСКИХ УКРАИНЕ И РОССИИ <i>Владимир ПОЛОХАЛО</i>	71
---	----

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ПОЗИЦИЯ УКРАИНЫ

*Александр ДЕРГАЧЕВ — ведущий научный сотрудник Института
политических и этнонациональных проблем Национальной Академии
наук Украины*

Поиск новой системы европейской безопасности непосредственно связан с тенденциями внутреннего развития посткоммунистических стран. Европа в целом меняет свои геополитические характеристики в результате общественных трансформаций в центрально-восточном субрегионе. Расширение экономических, политических и военных структур, объединяющих западноевропейские государства,— естественный процесс, впервые в истории не связанный с перераспределением сфер влияния. Практически речь идет о некой рациональной форме закрепления новых реалий и преодолении искусственной разделенности Европы. При этом важно всеобщее понимание того, что неперенным условием конечного успеха является поддержание сформировавшихся на Западе высоких требований к национальному развитию в экономической, социальной и политико-правовой сфере и соответствующих стандартов межгосударственного сотрудничества.

Распад восточного блока создал предпосылки возникновения новой Европы, распад СССР породил новые геополитические неопределенности. Восстановление единства Европы предполагает дезинтеграцию Евразии, геополитическое переустройство всего пространства бывшего восточного блока, в том числе и бывшего СССР, что и приносит в этот процесс элементы противостояния. Это связано с претензиями Москвы на сохранение сферы своего влияния и соответствующее управление внешнеполитическими ориентациями "ближнего зарубежья". Сегодня это выражается в непростой политико-дипломатической борьбе вокруг геополитического будущего государств Балтии, которые стали объектом сложной дипломатической игры со стороны России. Можно представить, насколько сложной может стать фактически отложенная проблема определения места и роли Украины в системе межевропейских отношений и в отношениях Россия—Запад.

Переходный период, в который вступил постсоветский регион, должен закончиться прекращением его существования как региона. Очевидно, что его геополитические перспективы, в том числе и долгосрочные, не могут автоматически связываться с интеграцией в Европу. Уже сейчас его неоднородность предопределила усиление центробежных тенденций разной направленности. Это обуславливает противоречивость международного положения Украины. Постсоветский регион представляет собой особую зону в системе международных отношений, которой присуща геополитическая подвижность, незавершенность процессов национальной самоидентификации, особенно глубокое и трудноуправляемое переплетение факторов национальных и региональных.

На евразийском пространстве интеграционные процессы имеют качественно иной характер. Здесь, во-первых, сам процесс направлен сверху вниз при исключительной роли государства, во-вторых, в полной мере сказывается недемократическая природа государственности, угнетенное состояние общества. Все решает взаимодействие режимов. Межгосударственные отношения сохраняют многие признаки бывших межреспубликанских и зачастую лишь номинально подпадают под международно-правовое регулирование. Для эффективного применения норм и механизмов, наработанных европейской практикой, здесь нет соответствующей социальной среды, политических традиций, да и попросту заинтересованности правящей элиты.

Принципиальные различия в характере межгосударственных отношений в Европе и Евразии, которые фактически не признаются ни в Москве, ни в Киеве. На практике же их наличие порождает двойные стандарты и два различных стиля политики: для "ближнего зарубежья", в том числе для выстраивания взаимоотношений, и для международного сообщества как такового. В известной степени этот дуализм имеет корни в пропагандировавшихся в качестве основы внешней политики СССР принципах мирного сосуществования и пролетарского интернационализма. Межгосударственные отношения вне евразийского региона предъявляют к новым независимым государствам качественно иные требования, которым они способны отвечать лишь частично.

Очевидно, что европейцам придется преодолевать возникшее несоответствие оптимальных форматов решения проблем развития и проблем безопасности. Идея большой Европы, в частности, в варианте, предлагаемом Борисом Ельциным, и частично уже реализуемая Советом Европы, безусловно, плодотворна и может служить основой долгосрочной стратегии сотрудничества. Но эта идея касается не региональных, а иных, пусть не менее важных, — межрегиональных отношений, не интеграции, а лишь нормального сотрудничества. На этом уровне и в этих масштабах на повестке дня утверждение доверия, обеспечение стабильности, первичная гармонизация интересов первопроходцев (западноевропейцев) и неофитов (восточноевропейцев).

Для стран-членов Европейского Союза гипотетическая большая Европа — это механизм обеспечения благоприятных условий для углубления взаимной интеграции. Качественные преимущества, символизируемые Шенгеном и евро, предполагают геополитические самоограничения. Если даже мы позволим себе быть настолько оптимистами, чтобы прогнозировать в качестве результата посткоммунистических трансформаций достижение цивилизационной гомогенности пространства от Атлантики до Тихого океана, все равно одни только его масштабы всегда будут оставаться препятствием для неограниченной интеграции. Уровень последней в собственно Европе всегда будет существенно выше, так же как он выше, чем в рамках трансазиатского сообщества.

Специфику геополитического положения Украины определяет ее принадлежность одновременно к двум регионам — Европе и Евразии. При этом, стремясь дистанцироваться от реинтеграционных процессов в

СНГ и значительно уступая странам ЦВЕ в темпах общественных трансформаций, будучи не в состоянии реализовать европейскую альтернативу, она в обоих регионах занимает периферийное положение. Это чрезвычайно противоречивая ситуация, содержащая в себе угрозу усиления относительной изолированности. Фактически Украина при ее сегодняшних характеристиках является одновременно и жертвой и соавтором сложностей утверждения демократических норм во взаимоотношениях новых независимых государств.

Сохраняющаяся неопределенность геополитических предпочтений Украины — это не только украинская проблема. Она является препятствием на пути строительства новой Европы, закрепления и углубления позитивных геополитических сдвигов последнего периода. Именно поэтому наше государство привлекает относительно много внимания и так или иначе сохраняет за собой роль важного, хотя и пассивного, субъекта международных отношений. Таким образом, оно зависит в межрегиональном пространстве и теряет возможности использования внешних факторов для утверждения четких общественных приоритетов и димонизации внутреннего развития.

На этом фоне нетрудно заметить существенные недостатки постоянного нейтралитета как основы стратегии обеспечения национальной безопасности Украины в современных условиях. Нейтралитет препятствует участию государства в системах коллективной безопасности, фактически лишает Украину союзников и приводит к ее стратегической военно-политической изоляции. Предназначенный прежде всего для выстраивания отношений с Россией, он и в этом качестве оказывается недостаточно эффективным. Выпадение Украины из логики геополитических трансформаций наглядно иллюстрирует столь актуальная для нее проблема гарантий безопасности. Их необходимость, как и их недоступность, связаны с отсутствием гармонии, более того, с наличием латентных противоречий между двумя полюсами притяжения — Западом и Россией.

Современное состояние и реальные возможности сотрудничества между Украиной и ее естественными партнерами — странами ЦВЕ — не могут воспрепятствовать углублению уже и сейчас существенных качественных различий между ними, связанных с разной результативностью общественных преобразований. Поддержка этими странами стремления Киева развивать отношения "особого партнерства" с НАТО в равной мере свидетельствует и об их заинтересованности в создании конструкций безопасности на восток от своих границ, и об уяснении ими того факта, что ожидать от Украины большего нет оснований. Понимание несовместимости евразийских и европейских стандартов подталкивает большинство стран ЦВЕ к дистанцированию от тех, кто сам не в состоянии дистанцироваться от прошлого.

Внешнеполитическая стратегия Украины должна быть двухвекторной, однако очевидно, что качественные сдвиги в ее геополитическом положении, обеспечение безопасности и благоприятных условий для экономического и общественно-политического развития связаны с выхо-

дом из евразийской изолированности и интеграцией в Европу. Сейчас усиление западного вектора, создание соответствующей инфраструктуры является важнейшей задачей Киева, необходимым условием достижения стабильности международного положения и сбалансированности внешних связей. Отношения с Москвой не могут заменить и не должны никоим образом ограничивать это.

Официальный Киев много говорит об угрозе нападения Украины в некую "серую зону" негарантированной безопасности. Однако более серьезные риски очевидно связаны не с военно-политическими характеристиками геополитического пространства вокруг Украины, а с социально-экономическими и политическими особенностями самой Украины. Объективно Украина как ни одно из других новых независимых государств заинтересована в утверждении собственной бирегionalности и поддержании стабильных конструктивных межрегиональных отношений. В связи с этим реализация концепции "большой Европы" открывает даже перед все еще не определившейся Украиной хорошие перспективы.

Украина в ближайшем будущем не будет в состоянии принципиально изменить ситуацию в ее отношениях с Россией. Однако, при дальнейшем уплотнении ткани многосторонних связей в рамках "большой Европы", эти отношения так или иначе должны будут эволюционировать в благоприятном с точки зрения украинских национальных интересов направлении. Развитие международных связей Украины должно предусматривать уменьшение односторонней зависимости и относительной изолированности, создание альтернатив. Стратегическая цель — превращение отношений с Россией в элемент стабильной системы международного сотрудничества, в сферу действия европейских норм и традиций.

Россия фактически не признает внеблоковый статус Украины и препятствует его утверждению. В ближайшей перспективе российское военное присутствие в Украине и использование ее военной инфраструктуры, вероятно, будут оставаться существенной составляющей военно-политических связей Киева, более весомой, чем участие в программе "Партнерство во имя мира" и чем все то, что может исходить из Хартии об особом партнерстве с НАТО.

В этих условиях украинская внеблоковость фактически сводится к самоустранению от полноценного, синхронного со странами Центрально-Восточной Европы участия в общекионтинентальных интеграционных процессах. Сегодня относительная активность Киева в европейских делах имеет преимущественно декоративный характер. Реального продвижения по европейскому вектору ни с точки зрения внутренних трансформаций, ни в содержании международных связей не происходит.

Для уточнения позиции Украины важное значение имеет оценка "дозированности" совместимости стратегий, исповедуемых ее основными партнерами на международной арене, и прежде всего в вопросах безопасности. В то же время гармонизация отношений и с Россией и с Западом является жестким императивом для нашего государства как сегодня, так и на перспективу. Необходимость выбора между ними была

бы равнозначна опасному подрыву национальных интересов Украины. В современной ситуации уделом Киева остается осуществлять сложное маневрирование между своими стратегическими партнерами, при котором реализация собственной стратегии, как и сколько-нибудь эффективное отстаивание национальных интересов являются практически невозможными. Российский и европейский факторы оказывают на Украину разнонаправленное, во многом конкурирующее воздействие. Стратегическая зависимость от намного более мощных государств, к тому же таких, которые находятся в сложных и не всегда предсказуемых отношениях с элементами соперничества, представляет собой основное содержание украинской внеблоковости.

В конечном счете внеблоковость, если она даже постепенно утвердится как общепризнанный и реально действующий принцип украинской внешней политики и будет лишь формой участия в международном сотрудничестве в сфере военной безопасности, не должна никоим образом ограничивать активность государства в регулировании других вопросов, представляющих общерегиональный интерес. Более того, выход на первый план экономических, экологических, информационных и других несиловых аспектов безопасности минимизируют значение классической внеблоковости и предполагают необходимость полномасштабного участия в интеграционных процессах, таким образом, делая невозможной нейтральность ценностных и геополитических национальных ориентаций.

Для того, чтобы преодолеть социально-экономические и геополитические факторы, отгораживающие Украину от Европы, мешающие ей выйти из относительной изолированности и занять органичное место в системе региональных межгосударственных отношений, Киев должен реально повысить собственные партнерские качества. Последние напрямую связаны с динамикой и результативностью политических, правовых и экономических реформ, способных сблизить Украину с ее западными соседями. Только это создаст условия для ее полноправного участия в формировании новой системы европейской безопасности.

РОССИЯ И УКРАИНА В НОВОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Татьяна АЛЕКСЕЕВА — заведующая кафедрой политологии Московского лингвистического университета

Мы все время говорим, что надо ориентироваться на Запад, но мы не задаем себе вопрос, а чем сегодня собственно является тот самый Запад и каким он стал, претерпевая трансформации и изменения. В конечном итоге это вовсе не та система, которая возникла в 1492 г. как совокупность национальных государств. Да и вообще — продолжает ли национальное государство быть той самой единицей измерения, вокруг которой нужно выстраивать всю систему международных отношений? Можно констатировать, что окончание "холодной войны" создало, наверное, еще больше проблем, чем сумело разрешить. Сегодня это становится все более и более ясно. Наступило то, что Чарльз Краухаммер называет моментом "биполярности". Однако что такое момент "биполярности", как не изменение определенных конфигураций сил? Если вникнуть в это глубже, придется признать, что, к сожалению, новый мировой порядок, к которому мы на такой скорости стремимся и в котором на разных основаниях, разных принципах и, естественно, с разной долей успеха попытались найти свое собственное место, в общем-то не состоялся. Имеет место несколько иная картина, и она заставляет нас весьма серьезно посмотреть на то, что же делается на сегодняшний день в теоретической сфере.

Первая проблема, которая так или иначе возникает в нынешних международных отношениях, — это проблема бесконечности. В 1945 году в ООН входило 50 государств; пополнение численности членов ООН воспринималось однозначно позитивно, и эта тенденция сохраняется по сей день. Совершенно очевидно, что тенденция к сепаратизму, расколу, к уменьшению территорий, все большему и большему количеству разнообразных автономных единиц, к созданию своей собственной государственной структуры сейчас также ярко выражена. Я думаю, что эта проблема стоит сегодня и перед обеими нашими странами. Ведь мы не застрахованы от тех процессов, которые затрагивают все остальное человечество. Очевидна и расцветка этих сепаратистских движений. Это очень серьезная группа кризиса, связанная с тем, что в свое время Джон Тэлбот назвал "культурой удовлетворения". Иными словами, при колоссальном расцвете технологий, при подъеме уровня жизни во многих государствах одновременно наблюдается колоссальный духовный кризис. Встает вопрос о том, что сегодня является нормативным основанием для существующих национальных государств. Важен целый ряд культурных и экономических аспектов кризиса, проблема прав человека, когда существует колоссальный разрыв между интернациональными нормами и национальным законодательством и т.д. Иными словами, возникает целый букет проблем, говорящих, что "не все так

ладно в Датском королевстве", поэтому действительно имеет смысл учитывать, что в дополнение к нашим внутренним кризисам, к нашим трудностям реформирования, мы как бы на себя берем еще дополнительные трудности той структуры, в которую входим с тем или иным успехом.

Но вернемся к теоретическому языку. Как бы нам ни хотелось отправить на свалку истории определенное количество теоретических разработок и моделей типа того же самого, хорошо известного и знакомого нам политического реализма, он продолжает делать ставку прежде всего на национальные государства и интересы и силовую парадигму, естественно, при снижении факторов военной силы. Если посмотреть на "main stream", то есть основной поток происходящего, то оказывается, что политический реализм отнюдь не ушел с исторической арены. Более того, он видоизменился и продолжает существовать, определяя международную систему. Да, сегодня речь не идет о силовых калькуляциях в том виде, как это было в эпоху биполярности. Но это совсем не означает, что исчез сам принцип силовых построений.

Еще одно важное направление связанное с очень модной сейчас английской школой политического реализма (Джеймс Россел, Берт и ряд других довольно крупных исследователей). Здесь речь идет о создании Большой Европы (хотя у них это немного по-другому называется) и о воссоздании или о приходе так называемого нового средневековья. Колоссальные средневековые образования были лояльны по отношению к монархам и церкви, но не по отношению к территориям. Теперь мы как бы снова возвращаемся к этому. То есть модный сегодня вариант политического реализма говорит о взаимопересечении линии власти с множественной лояльностью, т.е. лояльностью к своей партии, национальной группе, этносу, к своему государству, может быть, к соседнему государству, европейской идее, атлантической идее и т.д. и т.п. Но тогда мы как бы теряем исходную посылку: то есть мы хотим иметь национальное государство, но как же соединить национальное государство с идеей средневековой лояльности?

Что касается концепции мирового сообщества как определенного идеала, то здесь тоже происходит достаточно серьезный спор, разрывающийся между космополитической традицией и так называемой коммунитаристской традицией, которая, кстати говоря, набирает мощь достаточно быстро (в год проводится 3-4 конференции) и имеет центр сегодня уже не в США, а в Швейцарии. Коммунитаристы предлагают очень хорошо известную нам старую мысль о том, что человеческое "Я" обретает себя в конкретной группе социальных отношений и что только через членство в политическом сообществе индивид познает смысл своей деятельности. Иными словами, мы снова возвращаемся все к тому же и никак не можем вырваться из парадигмы, построенной прежде всего на национальном государстве.

И, наконец, последний вопрос — вопрос оценки, который мне хотелось бы затронуть. Общая тенденция к идентификации общечеловеческих ценностей с ценностями либеральными, по существу, является се-

годня доминантной. Вопрос в этой плоскости вообще сегодня стоит альтернативно: или универсальное торжество либерализма, или нестability множественных угроз глобальной безопасности. То есть все эти колоссальные угрозы якобы могут быть преодолены только при условии принятия западного либерального плана (проекта). Однако многие выдающиеся теоретики еще в XIX веке писали о том, что целостная культура, длительные традиции отгораживают любых ценностей. "Чужой" либерализм надо "переварить", каким-то образом адаптировать "под себя". Навязать же его невозможно. А именно это пытались делать американцы, когда приезжали к нам в 1991 г. и говорили: "Возьмите нашу модель. Делайте как мы, и уже через 2-3 года все будет в порядке". Но так не получается. Причем нигде не получается, иначе не было бы иранской революции и многих других событий. Предлагался в этой связи и другой вариант. В "Political science system" была статья Майкла Линда "Новые национальные идеологии для Америки", где предлагалась целая стратегия развития в несколько ином ключе. А именно: не просто создание новой национальной идеологии для Америки, а создание новой национальной идеологии для метанационалистической структуры всего Запада.

Крайне отрицательное явление — отгораживание развитого Запада от всего остального человечества, которое, как он считает, не в состоянии воспринять западную целостность, причем отгораживание в такой форме, которую можно было бы назвать своего рода "расизмом против бедности". Оно выражается в предельном сокращении допуска представителей других государств на территорию Запада, в выводе "грязных" производств в третьи страны и т.д. Мол, пусть они там живут так, как считают нужным... Чарльзом Дейлом предложен еще один интересный вариант: политика соотнесения разных ценностей при нахождении в них некоего единого ядра, позволяющего их сопоставлять. (скажем, ценность патриотизма в европейской традиции и ценность лояльности в конфуцианстве). В этом случае мы не можем говорить о едином международном праве, а нужно принимать, как минимум, множество разнообразных правовых систем и каким-то образом искать возможности их соотнесения.

Джон Росс со своей знаменитой теорией перекрестного консенсуса предлагает искать общие точки совпадений. Чем больше этих точек, тем прочнее основа твердого мирового порядка.

И, наконец, последнее. Существует целая школа, крайне критически относящаяся к модели мирового сообщества, построенного на принципах национальных государств. Ведь это не что иное, как опрокидывание на мировое сообщество модели национального государства со всеми соответствующими стереотипами. Значит, нужно искать что-то совсем другое, нужно попытаться создать некий абсолютно новый пласт построения взаимоотношений, действительно не несущий всех чудовищных угроз, ничуть не меньших, чем угроза ядерная, как в ситуации bipolarности. Собственно, пафос моего выступления заключается в следующем: мы вступаем на настолько противоречивую нетвердую,

зыбкую, размытую почву, что было бы весьма полезно, прежде чем решить, идем ли мы на запад, или на восток, или же идем к себе самим, все-таки попытаться посмотреть на это в более широком контексте. То есть, пришла пора для очень серьезной дискуссии — насколько вообще современны международные отношения.

РОССИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ

Владимир АВЕРЧЕВ — депутат Государственной Думы РФ, член Комитета по международной политике

Я хотел бы сказать о двух принципиальных вещах. Во-первых, в России обсуждается вопрос — быть независимым центром силы или стать интегральной частью европейской системы безопасности. Мы можем рассматривать те или иные модели и активно предлагать их в Европе. Но я хочу подчеркнуть, что если Россия выбрала бы путь выхода, ухода из Европы и превращения в независимый центр, на манер, скажем, Китая или Индии, мы бы потеряли Украину. Я имею в виду, потеряли бы Украину в качестве партнера, потому что Украина за нами дважды не пошла бы и никогда не пойдет. В то же время надо помнить, что 80% населения России проживает в ее европейской части; что бы нам не говорили про многонациональность, 85% населения России принадлежит к тому, что называется христианским миром. И это тоже та реальность, о которой иногда забывают. И второе. Есть две зоны разлома в Европе — центрально-европейская и средиземноморская. Центрально-европейская зона, где происходят процессы расширения НАТО, фактически усиливающие напряженность в Европе, — это зона потенциального конфликта. Черноморско-средиземноморская — зона, где европейский мир соприкасается с миром мусульманским и где нет потенциала конфликта, а существует потенциал для возможного сотрудничества. И Украина, и Россия должны идти, на мой взгляд, одновременно в этих двух направлениях: и в европейском, и в черноморско-средиземноморском. Там нас сегодня ждут, там сегодня в нашем конструктивном участии реально нуждаются на уровне политической политики.

Сегодня и Россия, и Украина имеют договоры о партнерстве с НАТО. Совершенно ясно, что обе стороны равно заинтересованы в том, чтобы эти формулы партнерства, договоры с НАТО стали реальной альтернативой моделям расширения Североатлантического альянса, создали бы реальную возможность построения равноправных партнерских отношений с уже существующими европейскими структурами.

Так уже сегодня складывается, что будущее двусторонних российско-украинских отношений зависит от того, будем ли мы идти в Европу вместе или мы пойдём туда раздельно.

УКРАИНСКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Евгений БЕРШЕДА — первый помощник секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины, профессор

Отношения двух крупнейших по территории европейских стран за короткую историю своего существования успели привлечь к себе внимание не только в Украине и России, но и в других странах Европы и за ее пределами.

Создавая перспективную модель украинско-российских отношений, мы исходим из того, что в отношении России с соседями выделяется позитивный опыт финско-российских (советских) отношений после Второй мировой войны.

В Украине и вне ее заинтересованы в том, чтобы быстрее и легче, чем в *"финско-российском"* случае, преодолеть комплексы по отношению друг к другу и перейти от модели *"провинция-центр"* к равноправным взаимоотношениям двух европейских партнеров. Еще одним близким Украине примером являются отношения Польши и России с начала 90-х годов.

В мае 1997 года завершился процесс самоидентификации наших народов относительно друг друга. Хотя этот процесс не прекращался даже тогда, когда они находились в составе государства, исчезнувшего в 1991 году, и особенно активизировался с созданием демократических Украины и Российской Федерации.

Демократизация предопределила осознание непосредственной причастности Украины к европейской и мировой цивилизации, способствовала утверждению ее в качестве самостоятельного субъекта международной политики, оказывающего существенное влияние на европейскую безопасность и стабильность и активно участвующего в их укреплении.

Нельзя не отметить, что украинско-российские отношения являются важной составляющей новой архитектуры международной безопасности, а *"большой"* договор между Украиной и Россией и соглашения по Черноморскому Флоту служат конкретным вкладом в ее укрепление.

Украину и Россию связывают не только общие география, прошлое и полное схожих нерешенных проблем настоящее. Главное в том, что нас объединяет — другое. Речь идет о будущем. Мы движемся в одном направлении, стремимся к созданию в своих странах открытого демократического общества и рыночной экономики, характерных для стран Европейского Союза, членом которого стремится стать Украина, а судя по заявлению премьера Черномырдина во время пребывания в Брюсселе, — и Россия.

Сильнее, чем прошлое и настоящее, нас способно объединить европейское будущее.

Поддержка друг друга на непростом и неблизком пути, обмен опытом реформирования экономики и общества стали бы важным вкладом Украины и России в строительство системы безопасности Большой Европы. Мы к такой работе готовы и исходим из того, что сценарий реформирования экономики и общества в Украине совпадает со сценарием приближения нашей страны к членству в Евросоюзе.

Наши страны объединяют политические и экономические интересы, которые при всем стремлении каждой из них к самообеспечению и диверсификации внешних связей сохраняют Украину и Россию как крупнейшего либо одного из крупнейших партнеров друг друга.

Украинско-российские экономические отношения, будучи влиятельным фактором развития обеих стран, важнейшей составляющей их внешнеполитических усилий, выходят за рамки интересов Украины и России.

Через украинские трубопроводы осуществляется поставка энергоносителей во многие страны Европы, энергетическая безопасность которой в значительной степени зависит от надежности украинско-российского взаимодействия в сфере энергетики. Такое взаимодействие мы рассматриваем как путь с двусторонним движением товаров, технологий, людей и капитала.

Украинско-российские предприятия и финансово-промышленные группы должны на паритетных началах создаваться как в украинском, так и в российском топливно-энергетическом, агропромышленном, транспортном и машиностроительном комплексах. При этом важно обеспечить участие в украинско-российских проектах международного значения капитала и технологий из европейских и других стран. Мы отнюдь не стремимся к некоему украинско-российскому обособлению, особенно если оно в ущерб другим нашим соседям или партнерам.

Подписание Основопологающего Акта Россия-НАТО, где уже в первых строках записано, что обе стороны не рассматривают друг друга как противников, свидетельствует о том, что 1997 год положил начало новой эры в европейской политике РФ.

Уже после подписания Акта Россия—НАТО Украина подписала Хартию об особом партнерстве с Альянсом, что создало совершенно новую военно-политическую ситуацию на континенте.

Украина и Россия активно участвуют в Программе ПИМ, доказавшей свою необходимость и эффективность как средство повышения доверия в Европе.

Участие Украины и России в Программе партнерства, в Стабилизационных Силах на Балканах вместе с подписанием упомянутого Акта и Хартии уже обеспечило нашим странам своего рода *"внешнее участие"* в НАТО. Подобная формула на начальном этапе сотрудничества, вероятно, может быть использована и в случае с ЕС. Полагаю, будущее подскажет ее оптимальный вариант и конкретное наполнение. Это даст возможность более эффективно сочетать ресурсный потенциал Украины и России с технологическими возможностями Европы.

Важно то, что формула *"внешнего участия"* способна обеспечить определенную общность действий и поведения Украины, России и евроструктур. Становится возможным предотвращение возникновения новой конфронтации, вероятность которой существует при отсутствии механизма участия наших стран в интеграционных процессах на континенте.

Украина исходит из концепции Европы с *"изменяемой, геометрией"* и недопустимости создания экономических и политических барьеров как на своих западных, так и восточных границах.

Украине и России необходимо теснее взаимодействовать в реализации взаимовыгодных проектов в третьих странах. Следует также усилить сотрудничество в институционализации отношений в зоне Черноморского экономического сотрудничества, что будет способствовать дальнейшему улучшению климата в уже, на наш взгляд, избавленном от конфронтации Черноморском регионе. Результатом может стать прежде всего реализация взаимовыгодных экономических проектов, в т.ч. связанных с добычей и транспортировкой каспийской нефти.

Еще одной зоной общих усилий может стать миротворческая миссия в Приднестровье.

Нельзя обойти вниманием сферу *гуманитарного сотрудничества*. Прежде всего требуется повышение уровня информированности друг о друге. Вряд ли кто-то будет возражать против утверждения о том, что этот уровень в Украине выше, чем в России. К тому же практически все украинцы двуязычны. Мы — за расширение и углубление гуманитарного сотрудничества, но оно должно иметь симметричный характер. Миллионы этнических украинцев в России должны иметь для удовлетворения своих культурных и образовательных потребностей те же возможности и условия, что и миллионы этнических россиян в Украине.

Не взаимообобщения и предвзятые исторические, экономических, политических и иных счетов и претензий друг другу, а совместный поиск решения сложных проблем должен стать определяющим фактором взаимоотношений Украины и России. Именно с этих позиций можно и нужно вести диалог о разработке механизмов реализации достигнутых договоренностей.

Еще одним свидетельством того, что для Украины отношения с РФ являются приоритетными, является создание при Совете национальной безопасности и обороны Украины Национального института украинско-российских отношений, который призван вырабатывать конкретные рекомендации для политического руководства Украины.

Несомненный прогресс в развитии украинско-российских отношений, достигнутый в результате подписания Президентами двух стран киевских соглашений, а также их договоренности во время недавней встречи в Подмоскovie свидетельствуют, что обе стороны стремятся сделать отношения друг с другом фактором европейской безопасности. Отношения между двумя странами и народами переходят в русло общепринятых норм международного права. Успех достигнут не только

благодаря конструктивизму и практичности Президентов, но и не без влияния процесса создания новой архитектуры безопасности в Европе.

И Украина и Россия не только демонстрируют стремление продолжать преобразования на основе ценностей европейской цивилизации, но и все активнее взаимодействуют с НАТО и ЕС как структурами, объединяющими демократические страны с социально-ориентированной рыночной экономикой.

Складывается впечатление, что укрепление западного вектора внешней политики Украины и России положительно сказалось на позициях обеих стран по отношению друг к другу и способствует формированию их равноправного партнерства.

УНИКАЛЬНОЕ И УНИВЕРСАЛЬНОЕ В ОПЫТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ

Сергей МАКЕЕВ — начальник информационно-аналитического отдела Украинской Академии государственного управления при Президенте Украины

В распоряжении политологов, экономистов, социологов есть уже достаточно свидетельств того, что из состояния, именовавшегося "развитым социализмом", бывшие союзные республики выходят по-разному, с различной эффективностью и разными издержками. Одни преуспевают больше и продвигаются дальше в конструировании привлекательного и желаемого институционального порядка, другие меньше и движутся будто в обратном направлении по вектору времени. В 1997 году Украина станет единственной из бывших союзных республик, в которой продолжается падение производства ВВП. Таков знак, указующий на ее если не уникальность, то основательную непохожесть на другие суверенные государства (воюющий Таджикистан совсем уж особый случай).

В чем именно состоит, на мой взгляд, непохожесть — об этом ниже. Вначале об общем в опыте социально-политических преобразований Украины и России. Первое, в чем несомненно преуспели обе страны, — *создание режима политической стабильности*. Конечно, противоречия, напряжения и конфликты имеют место, но они не угрожают установившемуся политическому порядку — никаких политических потрясений нет и они не предвидятся. Среди причин, обусловивших такого рода стабильность, наиболее существенными представляются следующие: вошедшее в привычку и ставшее стандартом политического поведения большинства населения не агрессивное возмущение властью и ее действиями (российские социологи говорят о "загадке" терпения народа); формирование системы власти на центральном, региональном и местном уровне, которая пока еще не обеспечивает эффективное управление социально-экономическими процессами, зато уже образует некое "внутреннее государство", цепь дисциплинирующего соподчинения и лояльности, гражданами которого являются регулярно получающие заработную плату (в Украине сегодня это серьезная привилегия) государственные служащие; дистанцированность от этого "внутреннего государства" основной массы населения, сосредоточенность на текущем и повседневном, отстраненность от того, что происходит в структурах власти и с самой властью.

Вторая общая для наших стран черта — *неуспешность попытки сконструировать новый экономический порядок, сформулировать такие правила игры, следование которым обеспечивало бы экономический рост*. Фактически есть основания говорить об утрате контроля за тенденциями и процессами в экономической сфере. Или, иначе, сложность подлежащих разрешению задач оказывается за пределами способно-

стей, компетентности, а быть может, и политической воли тех, кто к ним подступает. Убедиться в том, что это так, правительству в Украине требуется в среднем восемь месяцев — за шесть лет независимости Украины функции управления доверены уже девятой правительственной команде (впрочем, последнему нашему правительству эксперты предсказывают долгую жизнь, поскольку ему вообще надлежит заниматься не столько экономикой, сколько политикой — выборами в Верховную Раду и выборами Президента).

Третья общая черта — *спаянность политики и экономики, их ничем не сдерживаемая конвертируемость друг в друга*. Так уж случилось, что обладание властью оказалось лучшим бизнесом. И более доходным и, главное, намного более безопасным в сравнении с предпринимательской активностью тех, кто пребывает исключительно в экономическом поле. Совпадение власти и экономики проявляется и в том, что бизнес дозволяется властью и от него ожидается лояльность к власти, которая стимулируется и тем, что закон не защитит бизнес, ибо в наших широтах власть и есть чаще всего и закон и его непогрешимое толкование — не сегодня это утвердилось. Единство политики и экономики означает, что такое понятие, как коррупция, совершенно бессмысленно как в российском, так и в украинском контекстах. Коррупция имеет место тогда, когда власть отделена от экономики, когда часть денег вторгается в сферу политики для того, чтобы работа другой части денег в собственно экономическом пространстве была еще более эффективной. Ничего, даже отдаленно напоминающего такое положение, ни в России, ни в Украине нет.

Теперь об уникальном в опыте Украины. Разумеется, речь не может идти о чем-то таком, что обнаруживаемое только здесь. Часть явлений и процессов являются общими, отличия проявляются только в степени.

Во-первых, Украина остается страной *"ничьих вещей"*. Вещи (в самом широком смысле слова) не обрели своих хозяев. Мысль о том, что собственность, право владения созданными трудом предшествующих поколений материальными ценностями должны быть распределены между индивидами и коллективными субъектами хозяйствования, хорошо усвоена. Но реального распределения, точнее уже не первого в этом столетии перераспределения собственности, власти и престижа так и не произошло. Субъектов негосударственной формы собственности насчитывается десятки тысяч (мелких и очень мелких предприятий), но по данным официальной статистики показатели экономической деятельности у них хуже, чем у государственных. К тому же то, чем владеют, принадлежит владельцам вроде бы нелегитимно. По крайней мере, власть всегда найдет способы опровергнуть легитимность владения: примеров тому достаточно, концерт "Денди" — один из последних (похоже в этом случае был нарушен принцип совпадения политики в смысле власти и экономики, предпринимательская активность дозволяется властью и служит власти). Население со своей стороны не торопится получать свои имущественные сертификаты, свою часть общенародной собственности, срок окончания их выдачи переносился неоднократно, однако треть на-

селения так и не посетила сбербанк и не вступила в права собственности.

Во-вторых, про Украину сегодня можно сказать, что *она практически полностью находится в "тени"*. Не хотелось бы, чтобы подобная констатация воспринималась как негативная оценка. Абстрактно невозможно ответить, хорошо это или плохо, что половина экономики и еще один бюджет страны пребывает именно там (официальная статистика это "производство" во внимание, видимо, не принимает). Большая или меньшая часть экономики любой страны постоянно укрывается в тени, а тень, напомним, прибежище отнюдь не для аутсайдеров экономического соревнования, скорее — для его лидеров. Однако наша "тень" принимает всех — и лидеров, и середнячков, и явных неудачников — и по одному тому не способна стать питательной средой для взращивания нового экономического порядка. К тому же, вследствие переменчивости законодательства, permanently меняющего правила экономической игры, тень необычайно подвижна, время от времени накрывая не только актуальную деятельность субъектов хозяйствования, но и задним числом помещая в себя прошлую деятельность. К тому же "тень" не только видится, но и действительно является более справедливым пространством вознаграждения за труд, тогда как на "свету" каждый субъект постоянно находится в коллизии с действующим законодательством (еще один побудитель к лояльности).

Однако реальная ситуация еще менее привлекательна. Тень распространяется и над политикой. Убедительным признаком этого является ее бросающаяся в глаза непубличность, то есть не просто непрозрачность, но едва ли не полное отсутствие диалога власти и граждан по основным проблемам государственной и повседневной жизни. А между тем предмет для разговоров несомненно есть, ведь Украина по ряду показателей заметно отличается от европейских соседей. Так, информация, собранная "Новым барометром демократии общества" имени Поля Лазарсфельда (Вена) выборочными опросами населения в Украине, Чехии, Венгрии, Польше, Словакии, Словении, Болгарии и Румынии в 1993—1994 гг., позволяет это увидеть (сегодня ситуация для Украины еще более неблагоприятна, поскольку все эти годы она ухудшалась, а в соседних странах наблюдалось экономическое оживление). Из упомянутой информации следует, что в Украине как технология получения доходов, используемые индивидами, так и их уровень весьма специфичны. Укажем основные отличия, оперируя в сравнении средними для семи перечисленных стран данными:

— в Украине выше процент работающих, но не получающих зарплату — 16% против 5% (данные для 1994 года, в 1997 дела с невыплатами были много хуже);

— каждый третий в Украине сообщал, что полученной зарплатой явно недостаточно для приобретения всего необходимого, тогда как у западных соседей лишь каждый пятый (32% против 19%);

— каждый второй трудоспособный в Украине работает и в других местах, получая не регистрируемые и не облагаемые налогами доходы, в то время как у соседей лишь каждый пятый;

— однако и совокупный доход позволяет лишь половине населения удовлетворять самые неотложные нужды, не занимая денег у друзей и знакомых, тогда как в европейских странах этот доход достаточен для двух третей населения (56% против 68%, а в Словении 80%, Чехии 77% и лишь в Болгарии 47%);

— и, наконец, в покупке еды себе отказывают "часто и иногда" 52% в Украине и 19% у соседей, одежды и обуви — 66% и 32%, в отоплении и электричестве 30% в Украине и 16% у соседей.

У находящейся в тени политики неясными, с трудом установимыми оказываются границы компетентности, а оставаясь в пределах, твердо обозначенных, нет привычки и умения. Быть может, оттого они с такой непринужденностью нарушаются: Верховная Рада и Президент постоянно выдвигают встречные обвинения в неконституционности действий, а поведение фирм, предприятий и отдельных индивидов, как уже говорилось, очень часто преступает рамки дозволенного.

В-третьих, *Украина фактически замкнута в настоящем*. Прошлое (по крайней мере, последние 300 лет) не рассматривается как продукт усилий предшествующих поколений, а значит, как свое собственное. В нем есть люди и события, нет собственно истории как координированных действий по установлению и поддержанию форм совместной жизни. Украина и украинцы — объект истории, жертвы имперской политики России, посредством которой их превращали в тех, кем они не желали, да и не могли быть. Отсутствие в ближайшей ретроспективе факта независимого существования замыкает в настоящем. К.Касториадис говорит о том, что закрывшееся прошлое закрывает и будущее.

Широчайшее распространение самых обыкновенных практик выживания, к которым склоняют многомесячные невыплаты заработной платы, не является следствием вышеназванного обстоятельства, но дополняет его. По данным Киевского международного института социологии 41% экономически активного населения занят только в личном подсобном хозяйстве, а еще 28% совмещают работу по найму и работу на своем маленьком участке земли. Вместе с тем как раз практики выживания сосредоточивают на настоящем и закрывают будущее. Для иллюстрации еще один пример. Во время экономического кризиса в Венгрии в середине 80-х годов примерно 70 процентов населения помимо основной работы участвовало во "второй экономике", подрабатывая дополнительно и затрачивая на все виды работ 84 часа в неделю или 14 часов в день при 6-дневной рабочей неделе. В Украине в 1996 году по данным все того же международного института социологии 35% населения (вопрос о незарегистрированной занятости задавался, но респонденты о себе отвечали неохотно, зато у 43% опрошенных есть знакомые, которые подрабатывают в теневой экономике) совмещает раз-

личные легальные виды хозяйственной деятельности, работая с целью получения дохода в среднем 54 часа в неделю или 9 часов в день (28% — 59 часов, а 2% — 64 часа), а две пятых населения работает 29 часов в неделю или примерно 5 часов в день. Не будем строить догадок о причинах отличий в экономическом поведении населения двух стран. Фактом остается то, что непродолжительная и неэффективная работа также замыкает в настоящем, ибо не способна конструировать будущее.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Петр ФЕДОСОВ — советник Председателя Совета Федерации РФ

Как только мы выходим за рамки чистого описания и пытаемся анализировать и тем более прогнозировать, мы неизбежно начинаем заниматься компаративистикой. Какие-либо прогнозы относительно динамики развития и последствий функционирования тех или иных политических и демократических институтов можно делать, только опираясь на функционирование этих институтов в собственных обществах (в историческом плане) либо на уровне функционирования аналогичных институтов в других обществах. Спрос на результаты сравнительных исследований особенно возрастает в эпоху трансформаций, когда в массовом порядке создаются новые институты, происходят глубокие изменения политических систем, когда интеллектуальный продукт компаративистики оказывается востребованным в самом непосредственном плане. Каждый, кому приходилось участвовать в работе над Конституциями, законами, регламентами парламентов, знает, с чего начинается свою деятельность всякая рабочая группа. Она прежде всего задает себе вопрос — а какой существует в мире опыт, а как это устроено там-то и там-то? Выбирая себе подходящую модель, создатели того или иного института (закона, регламента), волей-неволей учитывают международный опыт, и чем более полно он учитывается, чем более творчески применяется в национальной среде, тем, как правило, интереснее и эффективнее оказывается результат такой конституционной или социальной инженерии.

Сопоставляя политические системы, мы прежде всего сталкиваемся с проблемой сравнений. Систематический сравнительный анализ различных обществ в принципе чрезвычайно затруднен. И по количеству переменных чрезвычайно нелегко вычленить последствия их действий и оценить их сколько-нибудь точно. В этом смысле сравнительный анализ обществ, однотипных по политической культуре, по традициям, по характеру решаемых задач, в высшей степени завысичен. Он дает возможность удерживать количество переменных в рамках обозримого. То есть, строго говоря, глубокая систематическая компаративистика наиболее завысична как раз при анализе однотипных обществ. И мы знаем — то, что называется *"next case study"*, в мировой компаративистике занимает весьма достойное место. Исходя из этого, можно было бы предположить, что российско-украинская компаративистика должна процветать. Но, к сожалению, анализ реального положения дел показывает, что это вовсе не так: в литературе работ на эту тему крайне мало, те работы, которые имеются, на мой взгляд, страдают многими методологическими недостатками.

Если проанализировать общее состояние компаративистики, можно сказать, что российско-украинская грешит некоторой абстрактнос-

тью, а западная — при сравнительном анализе российского и украинского обществ и процессов происходящих в них трансформации — грешит недостаточной пластичностью, недостаточной предметностью, ограниченностью знания того и другого общества. На мой взгляд, из всего этого вытекает вывод, что уровень знаний об Украине в России явно не адекватен той приоритетности и огромной важности, которую Украина имеет для России.

Список публикаций в серьезных российских журналах, посвященных Украине, за последние три года составляет 50 названий. Это ни много, ни мало. Но что интересно, повторяющихся фамилий авторов в этом списке всего одна, то есть об Украине в России пишут главным образом не люди, систематически занимающиеся украинистикой и изучением Украины, а те, которые в связи с тем или иным событием его комментируют, как они могли бы комментировать события в Польше, Франции, Соединенных Штатах и т.д. Найти в Москве квалифицированного специалиста по США, Австралии, Китаю гораздо легче, чем квалифицированного специалиста по Украине. Не знаю, как обстоят дела в отношении предметных знаний о современной России в Украине, думаю ситуация здесь несколько лучше, но также имеются трудности. Скажем, мы в Москве постоянно констатируем, что плохо знаем один из главных, наиболее перспективных процессов, происходящих в российском обществе, процесс регионализации. Мы очень плохо знаем свои регионы; я предполагаю, что вряд ли уровень знаний об Украине глубже и предметнее, чем, допустим, о России. В чем причина такого положения? Причины две:

Одна — парадоксальная: степень исторической, культурной, языковой близости такова, что многим у нас кажется — и так все известно, ведь все так близко, так понятно. И этот парадокс затрудняет реальный научный анализ. Другая причина — организационная, доставшаяся нам в наследство, от советской академической науки. Директор института славяноведения и балканистики Волков на вопрос: "Какие исследования по Украине ведутся в институте?", ответил: "У нас ведь было заведено, что московский головной институт занимался методологией, вел общие вопросы, а предметное исследование республик в отдельности проводилось в республиканских институтах". В этой ситуации, я думаю, есть необходимость организовать долгосрочный совместный проект российско-украинской компаративистики, сравнительного анализа опыта трансформации в Украине и России. Это можно сделать, опираясь на тот интеллектуальный потенциал, который группируется вокруг "Політичної думки" в Украине и вокруг "Поліса" в России. Такой проект мог бы быть рассчитан на несколько лет. Непосредственной задачей является также подготовка ежегодного совместного издания, которое должно включать не только политологическую, но и экономическую и социологическую части.

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТНОЙ СТРАТЕГИИ (уроки Украины и России)

Юрий ПАХОМОВ — академик НАН Украины, директор Института мировой экономики и международных отношений НАН Украины

Вопрос о том, являются ли российско-украинские экономические отношения стратегическими, решается по-разному. Причем в зависимости не только от тех или иных личностных представлений, но и от оценочных критериев, в основе которых лежит реальность.

Ответ будет, к примеру, положительным, если стратегией считать продолжительное поддержание межстрановых отношений на почве то ли энергетической, то ли иной (твельовой, сахарной, водочной и т.д.) зависимости. Хотя партнерство такого рода, как показал опыт, является односторонним; оно все больше сводится к зависимости слабой страны от сильной, т.е. Украины от России.

Отрицательный же ответ в отношении Украины и России мы получаем тогда, когда под партнерством подразумеваем совместное, взаимодополняющее движение обеих стран к лучшему будущему. Пока этого нет, и без перелома нынешних тенденций этого ожидать нельзя. Нельзя ожидать даже в том случае, если в перспективе произойдет налаживание между нашими странами таких взаимных отношений, которые улучшают экономическую ситуацию в одной и в другой стране, но при этом не меняют наметившихся тенденций цивилизационной деградации.

Ведь хуже, чем сейчас, скорее всего уже не будет. Россия и Украина со временем выйдут из кризиса; выйдут согласно закону цикличности. И в этом случае не только возрастет межстрановой обмен товарными потоками, но и расширится производственная кооперация.

Подобное развитие событий не будет, однако, свидетельствовать о стратегии партнерства в высоком смысле слова, если наращивание ВВП и даже рост благосостояния произойдут почти всецело за счет эксплуатации источников сырья, а равно и увеличения продукции хотя и важных, но рутинных производств, если не будут пресечены,— причем на подлинно партнерской основе,— тенденции разрушения науки, высоких технологий и жизненно важных видов образования. Иное, особенно в отношении Украины, просто нереально.

Стратегическим для обеих стран,— особенно с учетом их недавнего научно-технологического лидерства,— может быть лишь сотрудничество, предотвращающее деградацию, выводящее экономику на постиндустриальные рубежи образовательного, научного и технологического прогресса. И вектор взаимодействия должен выводить не столько на продукцию, ибо она — явление вторичное, сколько на взаимное содействие формированию в обеих странах конкурентной среды высшего ранга, т.е. среды с приоритетным развитием науки и культуры, созданием высоких технологий и подготовкой квалифицированных кадров (вклю-

чая физиков, математиков, биологов, инженеров, а не только юристов и экономистов).

Известно, что только конкурентная среда, облагоустроенная высшим интеллектом, оберегает страну от разрушительного воздействия "ножниц неэквивалентности", т.е. от возрастающей уплаты налога на неравность. Именно высоконкурентная среда, а не сырье и дешевая рабочая сила, побуждают зарубежный, в том числе и транснациональный капитал, избирать определенное государство в качестве страны базирования, а значит, накопления своего капитала. Только в такой стране сосредоточиваются очаги рождения высоких технологий, а значит,— концентрируется потенциал собирания "сливок" своего и зарубежного производства.

Создание в Украине и России конкурентной высокоранговой среды не случайно увязывается нами с превращением партнерства вынужденного в партнерство стратегическое. Именно в таком, важнейшем для украинско-российских судеб, деле искомым результатом (особенно в Украине) в одиночку не достигнуть. И не только потому, что генетически успех пока еще теснится в возможностях соединения и обновления разорванных кооперационных цепочек. Причина главная — в неумеренном пока что шансе соединения двух составляющих, притом взаимодополняющих частей недавно еще мощного единого социального интеллекта. Той части, что была оторвана, каждой стране недостает; недостает, чтобы снова состояться. При этом уникальность целого надолго исключает взаимозаменяемость "деталей" аналогичным западным образом. В последнем случае,— за малым исключением,— взамен интеллектуального взаимодействия происходит вытеснение, притом уже готовой продукцией другой страны.

Подрыв и заведомое уничтожение социального интеллекта, а с ним и благополучной судьбы,— явление в современном мире уникальное. Ведь не секрет, что именно высокое уничтожалось в процессе российских, а еще больше,— украинских трансформаций первоочередно и ускоренными темпами.

Легко объяснить произошедшее тотальным господством в нынешних условиях сиюминутных рыночно-коммерческих мотиваций. Но это объяснение слишком поверхностное. Во многих ранее отсталых и, казалось бы, исторически безнадёжных странах именно рыночные трансформации, пришедшие с Запада, несли с собой порыв к высоким знаниям и современным технологиям. Южная Корея, Тайвань, Китай, Малайзия, Индонезия — таковы некоторые примеры.

Причины упомянутых чужих удач, а равно и наших рыночных провалов,— не только в различиях конкретных ситуаций, но и в различном характере межкультурных взаимодействий.

Опыт свидетельствует, что часто проигрывают в переходное, наиболее коварное время не те, кто был на старте экономического менее развитым, а те, кто вышел на мировую арену с подорванной, ослабленной цивилизационной идентичностью, лишенный волевого представления о собственной уникальной специфике, готовый воспринять чужие,

для других приготовленные рецепты односторонне как панацею. Страна на какое-то время превращается в коллективного компрадора, и это обстоятельство оказывается для нее роковым, а потери часто необратимыми. Именно подобным образом, бездумно, восторженно и безоглядно входили на старте в рынок и Украина, и Россия.

При этом не принято было вспоминать, что рынок — не только незаменимое пока что благо, но и в каких-то проявлениях — зло. Что рыночные силы, обузданные и облагороженные внутри высокоразвитых стран, совсем иначе ведут себя на мировой арене. Тот самый рыночный механизм, который безжалостен к слабым фирмам (а не слоям и классам) внутри страны, подавляет и обездоливает целые народы (а значит, страны) на мировой арене. И его жертвами становятся прежде всего те, кто лишен механизмов и способов глобального (а не только странового) рыночного выживания и сопротивления. Итогом подобной селекции является растущая межстрановая дифференциация, усиливающаяся с годами разрыв между странами богатыми и бедными.

Переходное время для стран, впервые интегрируемых в мировое хозяйство, — это время широкого диапазона возможностей. Шанс высокого взлета имеет не только богатая и сильная страна, но и страна малоразвитая. Такое происходит на волне осознания народом своей силы и энергии, на волне уверенности в собственном успехе, что обычно связано с цивилизационным подъемом. Глобальные рыночные силы "пропускаются" и используются в этих случаях дозированно, с учетом этности рыночных преобразований; проявляется иммунитет и способности предотвращать возможные опасности. С другой стороны, именно цивилизационная волна, взывавшая благодаря взаимодействию с рыночной вестернизацией, обеспечивает наращивание собственных глобальных рыночных возможностей. Тут и выведение на мировую арену мощнейших организационных структур, и поддержка экспорта государством, и способность мобилизовать ресурсы, проявить разумную аскезу, и многое другое. В итоге недавно еще малозаметная страна, к примеру, Южная Корея (не говоря уже об Японии) технологически теснит и Западную Европу, и Соединенные Штаты.

Сомнений нет, славянский мир, особенно Россия, имеет свой уникальный цивилизационный потенциал. В глубинах затемненного пока что созгокегеа хранятся и мудрость восприятия чужого, и мощь отстаивания своего. Растерянность и нигилизм, соблазн легко жить как Запад, сыграли с нами злую шутку. Но унижение и крах имеют, как утверждает история, весьма различные последствия. Одна страна с арены сходит. Другая отвечает откликом на вызов и поражает мир неожиданными успехами. Представляется, что именно сейчас, благодаря осознанию масштабов и неслучайности катастрофы, у наших стран есть шанс сменить сам ход развития. А общий успех — лучшее основание для замены конфронтации содружеством, для осознания важности стратегического партнерства.

Обратим внимание, что уже сейчас в России намечаются признаки начинающегося возрождения. В отношениях между нашими странами

многое будет зависеть от того, превратится ли Россия, наподобие США, Западной Европы, Японии и Китая, в один из центров мирового экономического развития, и как поведет себя она в этом качестве. Если так, как США, — воздействие будет разрушительным, ибо то, что прощется самой мощной сверхдержаве, не будет прощено России. Имеется в виду тенденция все большего превращения тяготеющих к центру стран в сырьевые придатки и в пространства сброса грязных и рутинных производств. Иное дело — следование схеме, которую исповедует Япония. Изжитыми и перебрасываемыми в страны (зоны) притяжения оказывались в этом случае и новые прорывные производства с высокими технологиями. Итогом такого благодатного воздействия являлось экспортирование самого "японского чуда".

Представляется, что Россия с ее генетически заданной жертвенностью, традициями возрождения периферии окажется, в случае экономического бума, весьма притягательной для стран, ныне склонных к отчуждению, в том числе и для Украины. Кстати, именно опираясь друг на друга, в таких условиях обеим странам намного легче будет идти на волежденный Запад.

ОПЫТ КАК ФАКТОР, ОБЪЯСНЯЮЩИЙ МЕЖДУНАРОДНУЮ ПОЛИТИКУ (на примере России, Украины, США)

Бен ГОЛДСМИТ (США) — кандидат политических наук

Я хочу понять роль опыта как фактора, который объясняет поведение государства на мировой арене. Я полагаю, что роль опыта очень велика. Опыт каждого государства определяет основные приоритеты внешней политики этого государства.

Может быть, само это утверждение никого не удивит. Однако фактор опыта дает нам возможность понимания большей части международных отношений и, в частности, поведения этих трех стран России, Украины, США после распада Советского Союза. Опыт является таким значительным фактором, что мы даже не должны ссылаться на другие более традиционные факторы для анализа международных отношений как, например, национальные интересы, национальные возможности, национальный характер или коррумпированность элиты. Этот последний фактор сейчас пользуется популярностью среди аналитиков бывшего СССР, но, по-моему, он очень мало что объясняет в международной политике.

Я не хочу сказать, что эти другие факторы совсем не должны учитываться при анализе. Но без понимания опыта традиционные факторы мало что объясняют сами по себе.

Пока у аналитиков не существует логичных гипотез о роли опыта в международных отношениях. Я предлагаю несколько простых, но важных гипотез, основанных на психологической теории и на теории организаций: 1) после серьезного отрицательного опыта можно ожидать, что руководители страны будут искать новые приоритеты, основанные на позитивных примерах, на которых можно построить новую политику; 2) после серьезного положительного опыта можно ожидать, что страна продолжит эту политику, даже если руководители имеют причины думать, что другая политика будет более выгодной для данной страны; 3) после серьезного отрицательного опыта можно ожидать, что руководители страны будут искать альтернативные приоритеты, альтернативный подход не только в опыте своей страны, но также в опыте других стран.

Эти три гипотезы дают возможность анализировать внешнюю политику России, Украины и США после распада СССР. Я здесь обращаю внимание только на некоторые важные моменты внешней политики каждой страны.

Если не принимать во внимание опыт, то можно было ожидать, что в 1991–1992 гг. Россия вернется к традиционной политике автаркии, то есть экономической изоляции во имя национальной безопасности и независимости. Россия имеет достаточно природных и человеческих ресурсов для такой политики. Она имела потенциальную иностранную угрозу в лице НАТО и располагала огромными военными возможностями.

Однако возвращения к политике автаркии не произошло. Почему? Да потому, что московская элита, в частности Ельцин, Гайдар, Козырев и близкие к ним, полностью осознали опыт СССР в международных отношениях как негативный. Они искали другие основы для внешней экономической политики и для международных отношений вообще. Нашли они эти новые приоритеты в опыте престижных западных стран — в первое время особенно в опыте США.

Можно много говорить о плюсах и минусах этих новых приоритетов для России, но это не моя цель. Я только хотел бы отметить, что новые приоритеты так сильно влияют на международное поведение России, что даже успех ЛДПР в выборах 1993 г. и даже расширение НАТО на восток не изменили основных приоритетов российской внешней политики — стремления к открытому участию в международной экономической системе и к политической защите своих интересов в рамках существующей системы.

Если учитывать только традиционные факторы, тогда можно было ожидать, что Украина будет быстрее и эффективнее развивать отношения с западными странами, чем Россия. Во-первых, экономическая зависимость от российской энергетики вынуждала Украину искать инвестиции и новых экономических партнеров. Во-вторых, западные области Украины были включены в состав СССР только после войны, т.е. национальный характер и исторические связи были ближе к Западной Европе, чем к России. Но этого не произошло.

Первым опытом Украины после распада СССР было достижение независимости. Это был весьма позитивный опыт. Руководители Украины достигли независимости благодаря политическому компромиссу между националистическим движением и умеренными членами коммунистического руководства УССР — т.е. между Черноволом и Кравчуком. Главным приоритетом было обретение и сохранение независимого Украинского государства. Во внешней политике этот опыт означал, что приоритетом является государственная безопасность и сохранение территориальной целостности, максимальной независимости.

Этот положительный опыт не способствовал руководству Украины в поиске новых приоритетов. К сожалению, понимание того, что максимальная государственная независимость — наиболее значительный приоритет для Украины, возникает очень медленно. Даже при том, что экономические сложности из-за сохранения большей части старой системы имели явные отрицательные последствия.

И еще я хотел бы сказать коротко о США. Наш положительный опыт заключается в стабильном с высокими темпами развитии нашей страны, стран Западной Европы и Азии после Второй мировой войны. Это произошло в рамках постепенного расширения экономических связей всех этих стран и демократизации политических отношений внутри каждой из них и между ними. Положительным опытом считается также победа в "холодной войне".

Американские руководители сделали вывод, что демократия и рынок полностью оправдали себя. Приоритетом во внешней политике

США стала трансформация всех стран, привлечение их к такой системе. Тем более, США считают, что они знают, как это сделать во всех странах мира — развивающихся и постсоциалистических. Я сомневаюсь, что такая самоуверенность может оправдаться. Как правило, страны, которые уже имели представление о своем варианте демократии и рынка, начинают сейчас процветать (например, Польша, страны Балтии, Чехия и даже Россия), но страны, которые были дальше от этого понимания, имеют гораздо больше трудностей (например, Болгария, Словакия, Румыния и Украина). То есть все наши многочисленные программы и миллиарды долларов "помощи", кажется, не так уж эффективны, и мы можем передать свои модели только тем странам, которые сами, через собственный опыт, уже восприимчивы к этим моделям.

ПУТИ ВОССТАНОВЛЕНИЯ БРАТСКИХ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ НАРОДАМИ УКРАИНЫ И РОССИИ

Юрий НИКИФОРЕНКО — депутат Государственной Думы РФ, заместитель председателя Комитета по геополитике

Новая ситуация после 1991 года

Мы жили в едином Союзе ССР. Жили века в России, делили все радости и невзгоды, имели общую судьбу. Выстояли перед нашествием иноземных врагов. Одолели фашизм, спасли Европу от порабощения. СССР занимал передовые рубежи в мире.

Однако в обществе вырел сепаратизм, верх взяли антисоветские силы. В связи с ошибками КПСС, союзного руководства, при прямом предательстве М. Горбачева и его ближайших "соратников", страна столкнулась с кризисом, подверглась нападению как внутренней контрреволюции, так и внешних сил.

Беловежский заговор — реальное начало распада Союза ССР. Роковые ошибки лидеров республик состоят в том, что они проявили "романтизм", поверив, будто с помощью суверенитета можно жить лучше. Запад интегрируется. Германия объединилась. Только СССР пушен под откос. Это было выгодно тем, кто смотрел на наше государство как на добычу, как на рынок сырья и сбыта продукции. Ни одна республика, став суверенной, не преодолела экономический кризис. Продолжается спад производства, сокращение продолжительности жизни населения, ухудшение политической атмосферы в СНГ и Прибалтике.

Тем не менее реальность такова, что свершилась трагедия народов. Славянские народы искусственно расчленены. Тюркские народы фактически истребляются мечом, огнем, голодом, мором, унижением. Латвия, Эстония, Литва толпчутся у порога Европы, но в "мировую цивилизацию" их не пускают. Российская Федерация тоже задержалась в приходе "семерки". Белоруссию шельмуют и пытаются осадить, принудить идти дорогой Запада, по дикому полю рынка. Украина, обретя суверенитет, отделяется от братских народов. Ее аккуратно ведут к вратам НАТО. Многие народы утрачивают свои национально-культурные традиции, самостоятельность, вынуждены идти на поклон к иностранному банкирскому капиталу. Исподволь осуществляется колонизация "суверенных" республик.

*Корни нашего братства.
Пересохнут ли они или мы вырастим сад?*

Многие политики стремятся переписать историю, отречься от прошлого, играют судьбами народов, как азартные шахматисты на до-

ске, расставляя фигуры, строя сложные комбинации, пытаясь добиться победы. Но над кем? Над собственным народом? Над собой? Ведь если серьезно осмысливать то, что происходит, надо признать: иные лидеры, вставшие во главе государств, заявляли одно перед выборами, а на деле реализуют иные планы, служат отдельным группам финансово-банковского капитала, проводя их политику.

Так случилось с Россией, где у власти встали прозападники, внедряющие худшие варианты дикого криминального рынка; их представлял сначала Е. Гайдар, затем — А. Чубайс.

Наши украинские братья убедились, что идти этой дорогой — значит остаться, как говорится, без портко: колонизация России продолжится. Мы хлебнули лиха. И повторение "программы приватизации" на украинской земле приведет к тем же негативным результатам: резкому спаду производства, остановке тысяч предприятий, падению жизненного уровня населения, росту преступности, в сфере экономики и финансов особенно.

После Беловежья наши республики были расчленены "по живому", наспех, методом шоковой терапии. Хотя на 70-80 процентов украинская экономика зависит от импорта газа, цветных металлов, станков и инструментов, химических волокон, на 50-60 процентов — от импорта химического оборудования, электротехнических и кабельных изделий, лесоматериалов, продукции текстильной и медицинской промышленности. Заметим, что ранее эти важные ресурсы Украина получала из единого общесоюзного народнохозяйственного комплекса.

А теперь, в условиях "незалежности", это все приходится покупать по мировым ценам, нередко за валюту, а ее, к сожалению, не хватает ни Украине, ни России. Вот и налицо развал экономики, развал социальной сферы, разрыв хозяйственных связей, взаимный ущерб.

Что делать? Прежде всего — восстанавливать связи во всех сферах. А начинать надо с экономики. С кооперирования, с укрепления межотраслевых связей. Наши Президенты это понимают. Правда, потеряно ими много времени, пока созрело желание идти навстречу друг другу. Теперь решено освободить возимые товары от уплаты НДС. Это, наверно, поможет снять лишние преграды, оживит торговлю.

Следующее. Пора более синхронно выработать законодательство чтобы оно отвечало интересам и граждан России, и граждан Украины — по Чернобылю, по ветеранам, по офицерам запаса, относительно налоговых льгот. Нужны совместные планы, совместные стройки, научные разработки.

Мы приходим к выводу: пора менять экономический курс, он должен отвечать интересам большинства народа. Думается, и у вас многие приходят к такому же выводу.

Известно, что коммунисты в Верховной Раде Украины подготовили проект закона "Об основных положениях социально-экономической политики Украины на период выхода из кризиса". Он предусматривает коренное изменение всей системы социально-экономических отношений, реформирование экономики, системы социальной защиты населе-

ния в интересах трудящихся. Лозунги этого документа: "Трудящимся — Советскую власть! Обществу — социализм! Украине — добровольный Союз равноправных братских народов!"

Речь идет не о возврате ко всему старому, а о прорыве вперед, к подлинной демократии, к реальному народовластию.

У нас имеется огромный опыт создания. Ведь мы жили в могучем государстве. Выстроены города, поселки, заводы, плотины. Созданы целые отрасли народного хозяйства.

А возьмем совместную подготовку кадров. Вузы Москвы и Ленинграда, Киева и Харькова обучили тысячи специалистов. Они работали на важнейших участках, возглавляли ответственные органы власти, работали в ВС и правительстве СССР. Разве сегодня нельзя продолжить обучение студентов в украинских и российских вузах? Если готовить кадры у себя, они будут создателями в интересах наших народов. Если уповать на западные учебные заведения, то в страну вернутся скорее всего управляющие, менеджеры, проводящие политику Запада.

У нас общие заботы по борьбе с преступностью. Тесное сотрудничество министерств внутренних дел РФ и Украины поможет остановить вал уголовщины, мошенничества.

Приватизация — это был черный передел собственности, народного достояния. Основные источники жизни государства оказались в руках кучки чиновников и сомнительных лиц. А трудовые коллективы остались ни с чем: им предлагают работать без зарплаты, без пособий, без жилья, без организованного отдыха. На курортах отдыхают в основном состоятельные дельцы.

В России, в Госдуме проведены парламентские слушания по итогам приватизации. После обсуждения материалы слушаний переданы в Генпрокуратуру РФ, чтобы возбудить уголовные дела против организаторов всероссийской аферы века.

Готовится законодательство о национализации. Мы бьемся, чтобы сохранить естественные монополии — Газпром, ЕЭС, железнодорожный транспорт, военно-промышленный комплекс, которые нельзя подвергать приватизации. Иначе останемся на мели, утратим безопасность, превратимся в придаток транснациональных компаний.

Нам предстоит критически осмыслить то, что происходит, куда завели наши народы псевдodemократы-реформаторы. Иные политики как огня боятся мыслей о социализме. КНР не боится. Швеция не боится. А люди, получившие все от социализма, шарахаются прочь. Не странно ли?

В нынешних условиях неплохо бы вспомнить о том, что на пути от капитализма к социализму невозможно избежать переходного периода. И это чрезвычайно важно сейчас иметь в виду. В.И. Ленин допускал сохранение частной собственности на средства производства в период переходного этапа... Он указывал на необходимость использования коммерческих методов в хозяйственной, экономической деятельности. Госкапитализм в этот период в условиях Советской власти, писал Ленин, "есть предверие социализма" (ПСС.— Т.36.— С. 311). Что касается

НЭПа, то это не только допуск всех форм собственности, но и индустриализация, кооперирование крестьянства, внедрение планирования, электрификация. Такой взгляд на НЭП будет полнее, точнее и реальнее.

Нахлебавшись вволю горькой судьбы, жизни врозь, мы рано или поздно станем смелее углублять интеграцию, сближать наши страны, воссоединять народы. После многих тяжелых испытаний многие воочию убедились, что они имели при Советской власти и что они потеряли за последние годы. Народы глубоко сожалеют о том, что произошло с ними. И понимают, что наши отцы и деды в 1917 году сделали правильный выбор, выбор в пользу социализма.

СОВЕТЫ — власть народа, продукт народного творчества. Они ближе к избирателям, чем парламент, мэры, губернатор.

МНОГОУКЛАДНАЯ ЭКОНОМИКА. Это означает приоритет общественной собственности. Трудящегося необходимо сделать совместным собственником государственного достояния, справедливо оплачивать его труд, гарантировать работу, социальную защиту.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Необходимо восстановить права и свободы, которые гарантировала Конституция СССР: право на труд, на бесплатное образование и здравоохранение, на жилье, на обеспеченность по старости, право на отдых.

СУВЕРЕНИТЕТ. Сложилось новое государство на территории Союза. Это — реальность, исторический факт. Но ряд стран теряют самостоятельность, разрывая отношения с соседями, они оказываются втянутыми в военный блок НАТО. Венгрия из Варшавского договора попала в НАТО: значит, придется раскошеливаться, перевооружаться, учиться подчиняться командам новых генералов. Вряд ли это обеспечит суверенитет.

Россия отрицательно отнеслась к расширению НАТО на восток. Такое расширение осложняет международную обстановку, ставит нас в новые условия. Когда чужая военная машина приближается к границам, приходится укреплять рубежи. Находятся и в Украине желающие "заключить брак" с НАТО. Природа этой военной организации не изменилась. Стремление диктовать свои условия, бдительно следить за тем, чтобы в Европе не возрождались социалистические государства, держать народы в повиновении — вот истинные цели натовских стратегов под верховенством США.

Нам с вами целесообразно задуматься: почему нас пытаются поучить из-за океана или из Бонна, Парижа, Лондона? Не потому ли, что Россия часто заимствовала что-либо у других? Считалось, что мы вечно должны кого-то догонять, что-то у кого-то перенимать. Юная языческая Русь пыталась настичь дряхлеющую Византию. Петр I преклонялся перед Голландией. Петр III мечтал "опрусачить" Россию, а Павел I — латинизировать ее. В XVIII веке мы учились у французов, в XIX веке — у немцев, в XX веке — у американцев. М. Горьбачев призывал "пересадить" на российскую почву шведскую модель. Результаты такого чужебесия весьма плачевны. Сегодня России влору догнать африканские государства.

КУЛЬТУРА. Когда Киев заняли гитлеровцы, многие простые люди в далеком тылу плакали — в Сибири, на Урале, на Енисее. Все знали: Киев — мать городов русских. У нас общая многовековая культура, общие народные традиции. И это несмотря на национальные различия. Славянские корни — общие, и их никакие националисты не выкорчуют.

Я живу в Оренбурге. Это Южный Урал. Там проживает 102 тысячи украинцев. Есть целые села, в которых живут в основном украинцы. Много смешанных браков. У меня, как у депутата Госдумы, помощники — люди разных национальностей: русский, татарин, башкирка, украинка, они мои ближайшие сподвижники в работе. Я привез изданную в нашей области книгу "Украинцы в Оренбургском крае". Пять лет в Оренбуржье действует Украинское культурно-просветительское общество имени Т.Г. Шевченко. При Оренбургском государственном университете создан институт Тараса Шевченко. Судьба великого поэта, как известно, связана с нашим краем. В 1847—1858 годах Тарас Григорьевич был в Оренбурге, в Орской крепости, на Аральском море, в Новопетровском укреплении. Известный писатель — исследователь жизни и творчества Шевченко Леонид Большаков подготовил специальную "Оренбургскую шевченковскую энциклопедию".

Собрано немало материалов по истории заселения наших мест украинскими переселенцами. Ведь первые украинцы появились в Оренбуржье в XVIII веке; основная же часть приехала на рубеже XIX—XX вв.

В годы войны на Южный Урал перевели часть военно-учебных заведений, более 60 промышленных предприятий с Украины, среди них Борский машиностроительный завод из Винницкой области, Ворошиловградский паровозоремонтный завод, Ворошиловградский патронный завод № 545, Одесский завод "Автозапчасть", Полтавский станкостроительный завод "Коммунар" и другие.

С 1-ым Харьковским медицинским институтом в Оренбург прибыло 300 студентов. В селе Абдулино в течение военных лет находился Харьковский музыкально-драматический театр. В Бузулуке работал Сумской областной государственный театр им. М.С.Щепкина.

Почти 5 тысяч специалистов-оренбуржцев, было откомандировано чтобы оказать помощь Украине, среди них — около половины на село.

Наши связи укреплялись из года в год. Выходец из крестьянской семьи с Полтавыны А.В. Коваленко 17 лет был первым секретарем Оренбургского обкома КПСС, его труд увенчан двумя звездами Героя Социалистического Труда. В его бытность наш край стал богатой житницей страны, огромный строительной площадкой, стали добывать и перерабатывать газ. Село Петро-Херсонцев, что в Грачевском районе, — родина последнего Президента АН СССР, Героя Соцтруда Г.И. Марчука. И подобных примеров можно приводить много.

У нас регулярно проводятся Дни украинской культуры; в 1995 г. состоялся областной праздник украинской культуры. Дружбу между Украиной и Россией будем беречь как зеницу ока.

15 марта 1996 г. Государственная Дума РФ приняла два постановления. Одним она отменила постановление Верховного Совета РФ о Беловежских соглашениях, считая их недействительными и незаконными. И вторым постановлением было подтверждено, что итоги Всесоюзного референдума от 17 марта 1991 года на территории России имеют юридическую силу. Таким образом, были устранены преграды на пути воссоединения братских народов, даны политические оценки событиям, подтверждено стремление нижней палаты российского парламента к интеграции в рамках СНГ.

Несмотря на истерику, устроенную в СМИ, мы полны решимости продвигаться по этому пути. Поэтапно, на добровольной основе готовы укреплять свои связи, расширять экономическое пространство, вводить единую денежную систему, общие границы, общие органы координации, постепенно строить единый Союз братских народов.

Первыми проявили готовность к такому сотрудничеству белорусы. Наш союз с ними состоялся, он юридически оформлен. Теперь предстоит насыщать его конкретным содержанием, оберегать от покушений. А противников немало. И прежде всего на Западе. Западу выгоднее иметь ослабленные государства, разьединенные народы, горячие точки, конфликты, чтобы усмирять, сорить, разводить, а если надо, то и ввести войска, оккупировать "суверенные" страны. Не случайно все чаще проводятся учения с применением полицейских методов, отработываются операции по высаживанию десантов, провозу грузов, доставке боевой техники, и везде присутствуют американские солдаты, представители НАТО.

В 1995 г. американцы провели подобные учения на Тоцком военном полигоне, одном из старейших полигонов страны. Затем состоялись учения у берегов Крыма, в Прибалтике. Турецкие офицеры инспектируют и обучают военных в Азербайджане. Украина все сильнее "привыкает" к спецподразделениям НАТО. Безволие проявляет и российское руководство.

В Государственной Думе создано межфракционное объединение депутатов "АНТИ-НАТО". В его составе — депутаты самой разной политической ориентации, но объединенные протестом против расширения этой военной организации и ее продвижения на восток. Мы не намерены ратифицировать договор СНВ-2, который принимался в иных исторических условиях и сегодня фактически ведет к уничтожению основных стратегических сил России. Мы, пожалуй, могли бы ратифицировать договор "Открытое небо", в котором участвует и Украина.

ЧТО МЕШАЕТ ДРУЖБЕ? Прежде всего — подозрительность, политическая близорукость иных руководителей. Нельзя мстить прошлому, отрекаться от дела отцов и дедов. Возьмем прессу. О чем она пишет? Много ли материалов о наших связях? В Украине почти нет российских газет. Как нет и украинской печати в Москве. Известно, что из 51,4

миллиона жителей Украины 11,4 миллиона человек, то есть 22 процентов, составляют русские. А 17 миллионов жителей Украины считают своим родным языком русский — это треть населения страны. Разве можно игнорировать такое явление? Тем не менее власти фактически потворствуют вытеснению русского языка из страны. Из 21 тысячи общеобразовательных школ русскоязычных осталось около 3 тысяч. Это 14 процентов. А в Киеве количество таких школ сократилось в пять раз. Это притом, что 36 процентов киевлян считают родным языком русский. В чисто украинских школах русский язык приравнен к ...иностранному и изучать его вроде бы необязательно?

В макулатуру выбрасываются многие произведения классиков русской литературы — Пушкина, Чехова, Достоевского...

Эти факты приводятся в прессе.

Недавно г. Львов посетила супруга Президента США Х. Клинтон. Она побывала у памятника "жертвам советских репрессий". Он возмущен активистам ОУН—УПА (или бандеровцам, как их называют по-местному). Они активно сотрудничали с гитлеровцами. Нюрнбергский трибунал признал все фашистские организации преступными. А сегодня их участники чувствуются. Это трудно понять, а тем более одобрить. Тем более, если вспомнить, как только с июля 1941 по январь 1944 года в городе Ровно бандеровцы расстреляли 102 тысячи человек, в том числе 50 тысяч военнопленных. Остальные жертвы — мирное население. В селах Ровенской области пособники фашистов уничтожили 155 тысяч человек, жителей Украины. А всего по области ими замучено 257 тысяч человек. Среди них — женщины, старики, дети. И после такого зверства преступники становятся чуть ли не героями?

Я привез письмо участника Великой Отечественной войны из Москвы, офицера Ю.В.Тараскина. Он возмущен поведением жены Клинтона и тем, что оскверняется память о погибших в годы войны от рук палачей гитлеровского замеса.

Будем бдительны, товарищи! Грех осквернять могилы, стыдно забывать своих граждан, павших от врагов наших.

Думаю, мы не уйдем вперед, если верх возьмут оголтелый национализм, антикоммунизм, антисоветизм.

На мой взгляд, подлинный демократ не может быть антикоммунистом, как и ненавидеть Россию, русский народ, историю Страны Советов.

Нам пора возобновить деятельность российско-украинского общества, вывести ее из формального русла на широкий большак. Мы забыли о кинофестивалях, поездках дружбы, обмене литературой, изданиями.

Заключен Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. Прошло почти полгода — договор не ратифицирован российским парламентом. Его противники указывают на многочисленные факты притеснений русских в Украине. Предстоит потрудиться, чтобы снять напряжение, устранить все недоразумения.

КРЫМ. СЕВАСТОПОЛЬ. Это болезненная тема. Я против того, как действовал мэр Москвы Ю. Лужков. Так нельзя поступать. Угрозы ни к чему. Нам, скажу честно, нужна вся Украина — братская, мирная, близкая страна, нужно доверие друг к другу, уважение к Украине, где есть город русской славы Севастополь — наше общее достояние, наш форпост в сохранении мира и безопасности на Черном море. И флот нужен единый, мощный и надежный. Тогда крепче будут и Украина, и Россия.

Верю: придет время, когда народы сами решат свою судьбу, и вновь мы проживем единой семьей великого Союза.

“СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО” В СВЕТЕ НАСЛЕДИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Олег БЕЛЫЙ — заведующий сектором Института философии НАН Украины

Поскольку в Украине за шесть лет независимости так и не возникла достаточно устойчивая модель национальной идентичности, не сформирована система экономических, социальных и политических приоритетов, говорить о четкой национальной стратегии государства достаточно трудно. Гораздо проще говорить об общей национальной стратегии России, и прежде всего потому, что российская цивилизация вот уже почти третье столетие активно присутствует в мире и активно влияет на его судьбы. Здесь я употребляю слово “цивилизация” в том смысле, в каком его употребляли сначала Ф.Ницше, а затем Освальд Шпенглер. А именно, цивилизация есть то состояние определенного сообщества, при котором принуждение и сила, а также эффективное функционирование институтов силы и принуждения становятся едва ли не единственным критерием социального прогресса. В этом смысле примечательно то, как употребляют слово величие, пытаясь обозначить этот прогресс. Чаще всего словом “величие” оправдывают любое преступление, совершенное государственными мужами, будь то Ленин, будь то Сталин, будь то Гитлер: им обозначается эффективность военной машины.

Советский тоталитаризм был своего рода кульминацией развития российской цивилизации, а в каком-то смысле продуктом ее почти трехсотлетней истории. Именно в течение 70 лет тот огромный багаж, который был накоплен российской культурой, главным образом в XIX столетии, активно заработал на укрепление советской военной мощи. Опыт русского анархизма и борьба с ним со стороны государства предуготовили совершенные механизмы тоталитарного контроля, опыт церковной цензуры и святейшего Синода — эффективные способы контроля сознания, без чего немислим тоталитаризм, а открытия в области химии и математики — возможность участвовать в гонке вооружений — отвечать на возрастающие потребности в технизации Армии. Опыт создания философии российской истории (здесь следует упомянуть имена Карамзина, Ключевского и С.Соловьева) — успех исторических версий, обслуживавших идеологические нужды Советской Империи.

Армия как силовой институт в Советской Империи превращается в центр всей общественной жизни, во всяком случае после 1929 года. Это подтверждается ростом престижа военной профессии, что очень хорошо видно хотя бы из кинолент того времени. Военная целесообразность становится единственной формой рациональности, которой подчиняются все другие.

В конце концов именно Армия, а точнее военно-промышленный комплекс, стала единственным социальным сектором, который функционировал достаточно эффективно до 1979 года, времени начала Афган-

ской войны. По мере того, как девальвирует коммунистическая идеология, появляется необходимость не только оправдания, но и облагораживания грубой силы. Причиной тому послужили провалившиеся проекты модернизации экономики, предпринятые сначала Сталиным в начале 50-х годов, а затем Хрущевым. Дело в том, что минимальный рост инвестиций в гражданские отрасли сопровождался пропорциональным разбуханием военного бюджета, что в конце концов делало крайне уязвимым идеологический миф о преимуществах социализма. Армия всегда выступала естественным соперником коммунистической партии, свидетельством чему — расправа над Тухачевским в 30-х и устранение от обязанностей министра обороны Жукова в 50-х; а то же время Армия являлась естественным носителем имперской шовинистической мифологии. Это хорошо осознал Сталин еще задолго до того, как были восстановлены поганы, а высшие воинские доблести стали отмечаться орденами, которые носили имена царских генералов.

Далеко не случайно тоталитарная цензура в течение почти всего послевоенного времени оставалась достаточно терпимой по отношению к сюжетам, связанным с событиями Второй мировой войны. К началу 70-х двойные стандарты поведения, насаждаемые номенклатурной кастой, уже окончательно подорвали престиж компартии, а коммунистическая идеология свелась к своего рода "откупным" ритуалам. Эксплуатация военно-имперского патриотизма приближается к своей кульминации.

Робкая, осторожная попытка восстановить марксистское понимание истории в статье "Против антиисторизма" (1972 г.) стоила Александру Яковлеву (впоследствии главному идеологу так называемой перестройки) партийной карьеры. Примечательно, что отправляя в "канадскую ссылку" этого партийного функционера, идеологи военного патриотизма из Политбюро косвенно брали под защиту главного внутреннего оппонента режима Александра Солженицына, а по сути его роман "В августе четырнадцатого". Роман, как известно, возвышал российский военный гений, ставший жертвой политических интриг. Последней формулой, которая должна была служить идолом пролетарского интернационализма и в то же время легитимировать грубое вторжение в Афганистан, был пресловутый "интернациональный долг".

91 год доказал, что коммунистическая идеология не только не в состоянии обеспечить "идентификацию" граждан, утвердить приемлемую и внятную систему ценностей, не говоря уже об экономике, но прежде всего сдерживает эффективное функционирование Армии. Кроме того, обнаружилась неспособность экономики гарантировать совершенствование систем вооружения на базе высоких технологий. Оказалось, что новая ситуация в еще большей степени поставила под сомнение фактическое всевластие военно-промышленного комплекса. Российская армия, утратив несколько ключевых стратегических точек, по сути, потеряла возможность активно влиять на мировые процессы. А с потерей даже потенциальной и достаточно обеспеченной военной инициативы были утрачены и рынки сбыта вооружений. Включение же России в миро-

вую экономическую систему сделало ее крайне зависимой от правил игры и соотношения сил на мировых рынках. Это означает, что третья в новейшей истории попытка модернизации командной милитаризованной экономики — закончилось полным фиаско. Красноречивым символом этого может служить здание бывшего Института проблем противоракетной обороны на Ленинградском проспекте в Москве, помещение которого арендуют третьеразрядные американские фирмы.

Сейчас разворачивается грандиозная попытка четвертой модернизации, цель которой во многом также связана с милитаристской доминантой российской цивилизации.

Кроме того, образ политического мышления лидеров современной России во многом основывается на фатализме и геополитическом детерминизме. Этот детерминизм имеет и коммунистические корни, а точнее, коренится в марксистском понимании истории; он парадоксальным образом сочетается с профетизмом. Реализацию идеи мировой революции трудно представить без геополитических импликаций. Этот детерминизм отрицает "волю в качестве действующей причины", как сказал бы Ницше, сводя ее к рефлекторным движениям.

Иными словами, геополитический детерминизм предельно ограничивает, а точнее, низводит до нуля возможность индивидуального субъекта воздействовать на ход мировых событий.

Укоренение геополитического детерминизма в сознании российских политиков может быть объяснено и определенными метафизическими предпосылками. Дело в том, что православная традиция, во всяком случае в своей московской версии, ставила авторитет апостольского символа (то есть своего рода предопределение истинного) выше индивидуальной активности человека в постижении и выстраивании мира. В то же время западная церковь (будь то католическая, будь то протестантская) придавала первостепенное значение испускательному активизму субъекта, прозелитизму.

Почитание апостольского символа за высший авторитет в православной традиции сочеталось с византийской традицией подчинения церкви нуждам государства, оправдания "реального государства" и заботы о "реальном государстве" вместо заботы о "человечестве". Далеко не случайно в конце XVII века Священный синод признает тайну исповеди второстепенной по сравнению с тайной государственной. В свете этой традиции тесное сотрудничество иерархов советского православия со спецслужбами не представляется чем-то из ряда вон выходящим. Ровно как и молчание Патриарха Алексия во время чудовищных бомбардировок Грозного и "ратных подвигов" российских солдат в Самашках.

Чтобы не впасть в грех детерминизма, не будем прогнозировать дальнейшее развитие российской цивилизации, которая не есть ни европейской, ни азиатской, по точному определению В.В. Розанова, и уже хотя бы поэтому не одномерна.

Однако говорить сейчас о стратегическом партнерстве с Россией преждевременно, хоть и говорят, и я говорю, невольно втягиваясь в

перформативное противоречие. Преждевременно хотя бы потому, что Украина сама еще должна преодолеть пагубные последствия этой цивилизации на своей земле. А это традиции большевистской бюрократии, аномия и пауперизм. Шанс на такое преодоление Украина получила с обретением независимости.

Но прежде всего потому, что в России сегодня больше толкуют о возвращении утраченного величия, а не о налаживании достойной жизни. А это означает, что руководители России больше всего озабочены перестройкой системы национальной безопасности, вызванной распадом Варшавского договора и коллапсом милитаризованной экономики. А Украина является частью этой озабоченности. И чтобы понять, что может означать стратегическое партнерство с Россией для Украины, не нужно слушать Ельцина и даже Лебеда. Нужно послушать Жириновского.

ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИЙ В РОССИИ И УКРАИНЕ

Сергей КОЛЧИН — заведующий сектором статистики ИМЭМО (РФ)

Наши знания и представления об идущих в Украине процессах, о реальном положении дел далеки от желаемых. Сказать, что мы хорошо информированы о ситуации в России, тоже было бы неправильно. В целом в политологическом, социологическом плане у нас сложилась парадоксальная ситуация. Все усилия, внимание сконцентрированы на изменении конфигурации промышленных групп и политических элит. Качественные сдвиги в общественных устроениях, в предпочтениях россиян не рассматриваются. Все подчинено текущей политической конъюнктуре и обслуживает политический класс. Наш институт в течение 5 лет занимался социологическим исследованием общественного мнения, и мы решили подвести некоторые итоги, представить наши количественные показатели и суммировать некоторые выводы по поводу изменений в массовых настроениях российского общества, подготовив соответствующий доклад. Хочу сказать об отдельных моментах, которых мы коснулись в нашем исследовании. Прежде всего, нами зарегистрировано некоторое падение трансформационных процессов в России и Украине. Начиная с 1992 года, в массовом сознании произошли качественные сдвиги, причем по ряду позиций — достаточно уникальные. Это касается отношения к историческому прошлому России, к разным политическим течениям, властным структурам. Но в то же время по отношению к более глубинным ориентациям эти изменения не столь велики. Мы зафиксировали также определенное завершение какого-то этапа политического процесса. И сегодня немало аналитиков квалифицируют нынешнюю ситуацию в России примерно так же, как и в Украине — “новый застой”. Во всяком случае, и в Украине, и в России политический процесс во многом локализован в рамках политического класса. Всплески социальной активности практически не имеют никакого выхода. Значимость политических институтов хотя и признается большинством населения, но ценности этих институтов крайне низки. С другой стороны, шансы на какой-то организационный прорыв посредством технологий также в прошлом. Они зафиксированы нашим институтом в 1994—1995 годах и были связаны с выдвижением фигуры генерала Лебеда. После того, как шансы генерала пошли на убыль — сама идея прорыва также оказалась несостоятельной. В целом в России, как и в Украине, между властью и обществом сложились отношения неприкосновенности — “не трогайте нас, а мы не будем трогать вас”. Сопротивление могло вызвать лишь прямое вторжение власти в частную жизнь личности. Возможна вспышка, связанная с девальвацией рубля, особенно с вкладами 1992 года, — но не думаю, что она будет носить всеобщий характер.

Резко изменилось отношение к власти в целом. Недовольство российской властью остается. Но если в начале 90-х гг. общество было

раскола на противников и сторонников власти, то сейчас активных сторонников существующего режима — 15%, противников — 20%. Соответственно, почти 70% населения достаточно индифферентны по отношению к власти, проявляя безразличие к ее действиям, рассчитывая только на свои силы и возможности. Причем нужно отметить еще один нюанс — если раньше недовольство было локализовано на структуре исполнительной власти, сейчас неприятие вызывают и представительные органы власти, и парламент, и политические партии, и профсоюзы. В ходе последнего сентябрьского опроса впервые рейтинг доверия к таким уважаемым в России структурам, как церковь и армия, также был отрицательным.

Очень сильно в обществе дифференциация социокультурного плана. Складывается впечатление, что Россия быстрыми темпами идет к сословному делению общества, где существуют силы, живущие совершенно отдельной жизнью и никак не соприкасающиеся друг с другом. И в Москве, и в провинции наблюдается замкнутость возрастных, территориальных и социокультурных характеристик, что представляет весьма серьезный интерес.

Теперь конкретно о взаимоотношениях Украины и России в разрезе общественного мнения России. Сразу надо сказать, что для социолога всегда существует проблема формулировки вопросов, учета степени компетентности респондентов. Нами проводился массовый опрос, то есть экспертами мы не ограничивались, а опрошивали население. Здесь, несомненно, есть опасность выявить не истинное отношение населения к процессу, а какое-то вербальное представление. Летом 1996 года, когда наступило короткое политические затишье в жизни страны, мы попытались проанализировать отношение россиян к внешнеполитической деятельности российской власти, включая подписание российско-украинского договора и вообще положения Украины и России в рамках постсоветского пространства.

Первое, что выяснилось, и на это хотелось бы обратить особое внимание. Внешнеполитические проблемы находятся на периферии общественного сознания, они мало затрагиваются и мало трогают. Это очевидно. Второй момент — в целом мы можем зафиксировать быстрорастущее иллюзионистское настроение. На простой вопрос: "С кем из бывших республик России имело бы смысл объединиться?" почти 35% ответили — ни с кем. Далее, соответственно оценкам выгоды объединения, с республиками Среднеазиатского региона хотели бы объединиться 1-2% опрошенных, 5-6% — с республиками Закавказья и Балтии, в диапазоне 15-16% — с Арменией, Молдавией, Азербайджаном. Нет ничего удивительного, что выше строчки занимают Белоруссия и Украина. Лидирует Белоруссия — 60%, Украина — 39%. Сразу необходимо подчеркнуть, что это явное проявление симпатий к людям славянского конгломерата. Исследования Фонда российского общественного мнения показывают, что в России начинает формироваться "феномен эгоизма". При том, что уровень жизни россиян достаточно низок сам по себе, в сопоставлении с жизнью населения других стран СНГ он выгля-

дит предпочтительнее, и поэтому сама постановка вопроса об интеграции с точки зрения возможности "задевания кармана" налогоплательщика выглядит уже не привлекательно как 3-4 года назад. И вообще идея массовой интеграции вызывает все меньше и меньше симпатий, на что повлияла, несомненно, неуклюжая ситуация с Белоруссией. Что касается конкретно российско-украинских отношений, то, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, здесь выявилась очень интересная картина. Опять же, российское население смотрит на эти процессы с позиций своих житейских интересов. Сожаление по поводу превращения России в самостоятельное государство 21% опрошенных связано с появлением проблем свободы перемещения, и это понятно; 20% — с трудностям поставок товаров; 16% — с тем, что у них остались родственники на Украине, усложнилась проблема общения с ними. Для сравнения, ослабление оборонного потенциала России зафиксировали только 10% опрошенных, ослабление позиций нашей страны на международной арене — 8%; положение русских на Украине беспокоит 7%, а сближение Украины с НАТО — всего 5%. Кстати, натовские учения в Крыму, активно обсуждавшиеся в российских органах массовой информации, в сентябре в перечне событийных явлений практически вообще не были замечены.

Однако россияне достаточно однозначны в отношении Черноморского флота и Севастополя. Эта распространенная позиция остается неизменной до сих пор. Тем не менее подписание весной договора было позитивно воспринято 86% населения. Только 14% отнеслись к подписанию договора неодобрительно. Как известно, состоялась дискуссия в российских и в украинских органах информации: этот договор — уступка со стороны России, либо это оправдано?

40% опрошенных посчитали, что Россия пошла на подписание договора вполне адекватно, это оправданный компромисс.

С момента подписания договора уже прошло некоторое время. Данные последнего октябрьского опроса свидетельствуют: никакого ухудшения отношений России и Украины не произошло. Однако требуются дополнительные усилия, чтобы связи Украины и России вышли на новый уровень.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Владимир ПЕТУХОВ — директор Центра социально-политического анализа Российского независимого института социальных и национальных проблем

Ни для кого не секрет, что процесс качественной трансформации российского общества еще далек от завершения. Перемены, произошедшие за последние годы, начиная с 1992 г., в частности, в массовом сознании, одновременно и достаточно радикальны в том, что касается смены вектора общественных симпатий по целому ряду направлений, скажем отношения к историческому прошлому, разного рода идеологическим течениям, власти, и малозначительны в том, что касается более глубинных ориентаций и особенно мотивации политического выбора.

В целом, судя по результатам мониторинговых исследований РНИ-СиНП, этап первичной адаптации россиян к новым социально-экономическим и политическим реалиям близится к завершению. Другое дело, что лишь для меньшинства населения (15-17%) эта адаптация носит вполне органичный характер. Для большинства она представляет собой простое приспособление к сложившемуся порядку вещей, внутреннее восприятие его как данности, даже путем понижения планки своих жизненных притязаний.

Это выражается и в том, что для массового сознания характерно не столько стремление к радикальным переменам, сколько стремление к упорядочению нынешней социально-экономической системы, причем желательными такими методами, которые бы не потребовали новой адаптации к ней. Именно здесь коренятся истоки политической стабильности, а также "свободы маневра" власти по отношению к обществу. С этим обстоятельством, кстати сказать, не может не считаться и оппозиция, понимая, что идея мобилизационного прорыва в современной России не получит поддержки большинства населения.

И еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание. В ходе наших исследований стало ясным, что на смену идею политическому размежеванию первых постперестроечных лет идет более сложное структурирование общества в зависимости от принадлежности к различным социально-культурным, возрастным, территориальным общностям. То есть Россия, судя по всему, достаточно быстрыми темпами идет не только по пути олигархизации власти, но и воспроизводства сословного по своему характеру общества, когда представители различных социальных групп, возрастов, территорий живут в параллельных, никак не соприкасающихся друг с другом мирах.

Определенные изменения произошли в характере взаимоотношений власти и общества. Если рассматривать данную проблему формально, то есть судить по показателям степени доверия к властным структурам разного уровня, то картина выглядит здесь весьма одно-

значной — население в целом крайне негативно оценивает действия нынешних властей. Кстати, за исключением короткого периода общественной эйфории начала 90-х годов, названного "революцией ожиданий", ситуация и три и четыре года назад выглядела аналогичной. Между тем, в характере этих взаимоотношений многое изменилось. Картина стала более сложной, многослойной и многоаспектной.

Во-первых, недовольство осталось, но изменился "градус" этого недовольства и его направленность. В частности, можно констатировать, что если раньше, еще три года назад, общество было действительно поделено на ярких противников и не менее ярких сторонников сложившегося после 1991 г. политического режима, то, начиная с 1996 г., эти ядра сократились до 10-15% с одной стороны и 20-25% — с другой. Большинство же достаточно индифферентно относится к властным структурам. Власть все больше воспринимается как неизбежное зло, но одновременно недовольство как бы фрагментируется, расщепляется, все в большей степени переносится на представительные органы власти (Госдума и Совет Федерации), и на общественно-политические институты, по идее и призванные представлять интересы граждан — партии, профсоюзы, корпоративистские структуры, средства массовой информации, которые по мнению россиян несут не меньшую ответственность за положение дел в стране, чем государственные институты. В последнее время к ним добавились и традиционно уважаемые в обществе институты — церковь, армия. То есть имеет место полномасштабный кризис легитимности, который распространяется на всю политическую систему.

Во-вторых, судя по всему, в последнее время мы имеем дело с завершением определенного этапа политического процесса. Причем по целому ряду направлений можно констатировать определенный откат. Некоторые аналитики квалифицируют нынешнюю ситуацию как "новый застой". Отчасти это так и есть. Во всяком случае, в настоящее время политический процесс, как и в дореформенные времена, локализован во многом в рамках политического класса. Хотя значимость демократических институтов и ценностей признается большинством граждан, уровень их реальной востребованности крайне низок, может быть, за исключением права прямой выборности. С другой стороны, надежды на возможность "мобилизационного прорыва" посредством авторитарных технологий также в прошлом. Их пик приходился на 1995—1996 гг. и идентифицировался с фигурой генерала А. Лебеда.

Сейчас между обществом и властью установилось то, что называется "негативный консенсус" по принципу "вы не трогайте нас, а мы не будем трогать вас". Сопротивление может вызвать, да и то не всегда, лишь прямое вторжение власти в "приватное пространство личности", скажем, сопровождаемое деинфляцией рубля, замораживанием вкладов 1992 г. Уже сейчас ясно, что эта проблема станет центральной политической темой ближайших месяцев.

В то же время, если мы раньше фиксировали, что социальный протест в основном аккумулируется в социально-пассивных группах насе-

ления и периферийной части элиты, которые в принципе не готовы к организованным формам борьбы, то сейчас ситуация, похоже, начинает меняться. На передний план все больше выходят группы "новых недо-вольных", к которым следует отнести значительную часть ИТР, неста-тусной интеллигенции, представителей торговли, малого бизнеса и т.п.

Причем снижение шансов на вертикальную мобильность, повыше-ние конкуренции на рынке труда может радикализировать какую-то часть общества, прежде всего молодежь. Обращает на себя внимание то, что переход от господствующего в молодежной среде конформизма к радикальным способам отстаивания собственных интересов может быть очень быстрым, учитывая крайне низкую планку моральных и нравст-венных ограничений, свойственную значительной части молодежи.

В целом же, если говорить о перспективе, наименее желательный и в то же время наиболее вероятный сценарий развития событий на обо-зримую перспективу — это дальнейшее углубление социальной актив-ности, то есть углубление пропасти между "продвинутым" меньшинством и постепенно деградирующим остальным населением страны. Это не грозит, судя по всему, какими-то серьезными катаклизмами, но и остав-ляет мало надежды на достижение общественной консолидации, а знач-ит, и на формирование внутренних источников саморазвития и соци-ального прогресса.

Теперь конкретно о том, как оценивает характер взаимоотноше-ний между Россией и Украиной российское общественное мнение.

Первое, на что хотелось бы обратить внимание: в России все в большей степени растут изоляционистские настроения. Во всяком слу-чае, согласно данным наших исследований, граждане России не испы-тывают особых симпатий к идее объединения со всеми бывшими брат-скими союзными республиками (см. таблицу).

С кем следует объединяться?

Белоруссия	57,9
Украина	38,3
Казахстан	26,5
Армения	19,2
Молдавия	18,1
Азербайджан	17,2
Латвия	17,1
Литва	16,2
Киргизия	6,6
Узбекистан	5,6
Эстония	3,2
Грузия	2,0
Туркмения	1,4
Таджикистан	1,0
Ни с кем	34,1

Из вышеприведенных данных очевидно, что только идея воссозда-ния союза славянских республик имеет некоторую поддержку в массо-вом сознании. Однако не стоит воспринимать эти настроения как реал-ьный призыв к руководству страны немедленно приступить к активным действиям в "объединительном направлении". Здесь следует учитывать, что россияне уже осознали тот факт, что жизненный уровень в России, при том, что он не является высоким, тем не менее превосходит жи-зненный уровень населения большинства постсоветских государств. От-сюда возникает новый феномен "национального эгоизма", который ран-нее никогда не был присущ российской ментальности. И поэтому теперь уже, поняв выгоду самостоятельного существования на бытовом, обыва-тельском уровне, население России будет оценивать любые попытки ин-теграции с точки зрения своих экономических интересов. В этом плане ситуация несколько напоминает настроения немцев ФРГ в период объ-единения Германии. С одной стороны, сама идея объединения приветст-вовалась всеми немцами, а с другой — многие из них настаивали, что-бы "цена" этого объединения была не слишком высокой для западно-германских налогоплательщиков.

Аналогичные настроения наверняка возникнут и возникают и у нас. Да, наши соотечественники сожалеют о том, что отношения с истори-чески и культурно близкой к нам Украиной далеки от дружественных. Но это взгляд не с позиций национально-государственных интересов России, а скорее, досада по поводу каких-то возникших новых проблем бытового повседневного характера. Так, по данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, отвечая на вопрос, с чем прежде всего связаны сожаления из-за превращения России и Украины в независимые государства, 21% опрошенных указали на появление проблем, связанных со свободой перемещения (отдыхом, сменой рабо-ты), 20% — на трудности в экономике, с поставками товаров. 16% рес-пондентов заявили, что у них на Украине остались родственники и близ-кие друзья. Для сравнения: ослабление обороноспособности России в этой связи отметили только 10%, ослабление позиций нашей страны на международной арене, появление угрозы ее геополитическим интере-сам — 8%. Положение русских на Украине беспокоит лишь 7% рос-сиян, а сближение соседней славянской республики с НАТО — 5%.

Но ведь все эти проблемы могут быть решены и без специального надгосударственного объединения в виде СНГ или иной ему подобной организации. Как свидетельствует мировая практика, подобные задачи решаются в рамках конкретных межгосударственных соглашений, если на то, конечно, есть воля их правительств.

С этих позиций обратимся далее к реакции общественного мнения на подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Россией и Украиной. Надо сказать, что данные предыдущих опросов РНИСИНП не давали достаточных оснований прогнозировать благо-приятное отношение большинства россиян к этому договору. Обост-ренное восприятие населением России проблем статуса г. Севастопо-

ля, раздела и базирования Черноморского флота, казалось, ещё долго будет омрачать российско-украинские отношения не только на официальном уровне, но и в сфере общественного мнения. Достаточно сказать, что ещё в декабре 1996 г. лишь 18% россиян считали необходимым разделить Черноморский флот, а 62% были категорически против этого. Да и по статусу города Севастополя российское общественное мнение занимало подчеркнуто однозначную позицию: 76% населения считало, что этот город должен входить в состав России.

Однако история и логика выправления добрососедских отношений России и Украины рано или поздно должны были получить не только соответствующее дипломатическое и межгосударственное оформление, но и должны были быть понятыми и принятыми в народном сознании. Судя по общей реакции россиян на подписание Договора о дружбе между Россией и Украиной, так оно и произошло. Без малого 70% населения РФ в целом одобрили подписание данного договора и лишь 14% отнеслись к этому недоброжелательно.

В связи с подписанием договора между Россией и Украиной в большинстве СМИ, как и среди многих экспертов, получили распространение, в основном две точки зрения. В одном случае утверждалось, что в результате подписания этого договора Россия сделала чрезмерные уступки. Согласно другой точке зрения, Россия пошла на оправданный компромисс с целью улучшения добрососедских отношений с Украиной.

А что по этому поводу думают сами россияне? Для трети населения оказалось весьма затруднительным разобраться в том, кто больше выиграл, а кто больше потерял в результате подписания договора. Однако большинство россиян достаточно четко определилось в своей позиции по данному вопросу: 27% опрошенных посчитали, что Россия пошла на чрезмерные уступки, а почти 40% — определили подход России к подписанию договора с Украиной как оправданный компромисс.

С момента подписания указанного договора прошло уже почти полгода. Однако, судя по данным октябрьского опроса ВЦИОМ, родичного перелома во взаимоотношениях России и Украины не произошло. Так, лишь 24% опрошенных считают эти отношения хорошими, в то время как 48% — нейтральными, прохладными, а еще 28% и вовсе плохими.

Видимо, большинство россиян отчетливо себе представляют, что без прочного экономического фундамента особого прорыва в межгосударственных отношениях между Россией и Украиной ждать не приходится. Поэтому, чтобы не загубить самую идею интеграции, очень важен трезвый, непредвзятый анализ того, насколько далеко разошлись пути республик бывшего Союза, насколько соотносимы типы их экономических систем, учитывая, что и направленность, и темпы осуществления в них преобразований теперь уже весьма различны. И уже на основе этого делать вывод, на каком уровне возможна интеграция их экономик и тем более политических систем. В противном случае завышенные ожидания могут привести лишь к разочарованию и дискредитации самой идеи интеграции.

ОПЫТ И УРОКИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В УКРАИНЕ

Сергей ТЕПЕХИН — народный депутат Украины

Я хотел бы остановиться на том, что сегодня происходит в Украине в экономической сфере. Я думаю, что это будет полезно связать с тем, что происходит в России.

Можно сказать, что за последние несколько лет в среде украинских политиков все-таки произошли некоторые очевидные изменения в понимании базовых экономических принципов. Однако недостаток соответствующего образования все же очень чувствуется. Судя по многим предложенным политическим мерам становится понятно, что большая часть членов правительства и депутатов Верховного Совета, к сожалению, не понимает существа важнейших экономических принципов, общепринятых в других странах.

Остановлюсь на анализе некоторых предложений, которые наше правительство разработало и подает в парламент. Я думаю, что если программа правительства Пустойтенко будет принята, можно будет построить, российскую матрицу реакции на ее внедрение этих мер в Украине. Например, одним из основополагающих пунктов программы является увеличение государственных инвестиций и налоговых льгот, объемов гарантий и кредитов бюджетного характера для стратегически важных коммерческих проектов. Понятно, что такие положения изначально связаны с бюджетными ограничениями и инфляционными по своей природе.

Следующий важный пункт программы нашего правительства — это установление жестких требований к коммерческим банкам относительно предоставления кредитов для стратегически важных объектов. У нас была такая практика в 1993—1994 гг., когда правительство указывало коммерческим банкам, куда и сколько вкладывать. Закончилось все это плачевно — двумя банковскими кризисами, банкротством практически трети коммерческих банков и инфляцией на уровне 10 520% годовых. Украина была в 1994 году второй в мире после Зaire по уровню инфляции.

Еще одной важной мерой украинского правительства является расширение налоговой базы с помощью введения новых налогов, например, налога на местные продажи (плюс к НДС). Необходимо отметить, что сегодня в Украине налоги составляют примерно 40% ВВП. Понятно, что это чрезвычайно много, по крайней мере в 2 раза больше, чем хотелось бы.

Далее планируется уменьшение ставок существующих налогов при увеличении, как уже было сказано, их числа. Будут введены некоторые льготы, в частности, льготы по НДС при поставках импорта, в сельском хозяйстве, электроэнергетике. Намечается административная индексация основных фондов в стране, что приведет к увеличению амортиза-

ционных отчислений, увеличит себестоимость и продажную цену продукции, и, в конце концов, уменьшит потребительский спрос населения.

Что же предполагает наше правительство сделать в конце этого года и в следующем году? Оно намеревается увеличить государственные издержки для некоторых промышленных фондов, таких как инновационный фонд либо фонд развития ТРК; увеличить примерно в два раза так называемый резервный фонд Кабинета Министров, теоретически предназначенный для ликвидации последствий стихийных бедствий. Действительно, такие случаи в Украине дважды в год — это в начале отопительного сезона и после сбора урожая. Однако, как правило, резервный фонд тратится на совсем другие цели. Достаточно прокатиться по Киеву и увидеть отремонтированный Дворец культуры "Украина", отреставрированную филармонию; поехать в Днепрпетровск и спуститься в облицованное мрамором метро... При общей задолженности государства по заработной плате и социальных субсидиям в 3,6 миллиарда гривен [это примерно шестая часть всей затратной части бюджета] вкладывать деньги в такие объекты нам представляется аморальным.

Очень популярной стала идея сокращения взаимосвязей Украины и финансовых международных организаций — МВФ, МБРР; изменения структуры внешних займов, перехода к частным займам.

В последнее время правительством принят ряд решений о восстановлении торговых барьеров и номинальной девальвации валюты. Это классические протекционистские методы, приводящие к эффекту, скажем так; "бывшего Советского Союза", к затрудненности в передаче технологий и к искривлениям конкурентного поля. Кроме того, в Украине очень распространено применение, устанавливаемых правительством индикативных цен.

На сегодня Украина имеет слишком большие государственные издержки. Доход на душу населения по статистическим выкладкам ниже, чем в Намибии, Тунисе или Колумбии, тогда как государственные издержки на душу населения выше, чем в США, Канаде, Великобритании, или Германии. Пенсионный фонд составляет более 45% ВВП. И последнее — сегодня в Украине еще один ВВП и 54,2% эмитированных денежных средств находятся вне баланса — "в тени".

Однако если наше государство проведет радикальную налоговую реформу и решительную дерегуляцию, будут созданы все условия для того, чтобы в следующем году все же достичь увеличения реального ВВП на 0,5%.

ОПЫТ И ПРОБЛЕМЫ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПОГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ РОССИИ И УКРАИНЫ

Василий РЯБЫХ — заведующий отделом межрегионального сотрудничества Администрации Белгородской области РФ

После образования двух самостоятельных государств России и Украины разрыв связей экономических и политических прошел непосредственно по пограничным регионам. В Украине и России — это двенадцать областей. И они первые почувствовали, что нужно не ждать решений, которые будут выработаны в Киеве и в Москве, ждать, пока правительства выяснят свои отношения в глобальном масштабе. Пока центр размышляет, регионы действуют. По инициативе руководителей ряда пограничных областей в 1993 году было проведено несколько совещаний. Создан совет руководителей пограничных областей России и Украины. Организационное становление его произошло в Белгороде в 1994 г. Тогда в совет вошли 10 областей, 5 со стороны Украины и 5 со стороны России. На сегодняшний день присоединилось еще 9 регионов России, Украины, 3 региона Белоруссии.

Необходимо отметить, что совет руководителей приграничных областей первоначально назывался "Россия и Украина", но после того, как в состав совета было принято три белорусских области, он был переименован в "Совет руководителей приграничных областей Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины". Можно сказать, что это было политическое решение, получившее поддержку и со стороны президентов России, Украины и Белоруссии. Характерно, что в совет вошли не только приграничные регионы, но также Полтава, Тула, подавляющее Киевская область. Это еще раз подтверждает, что деятельность совета нашла понимание и поддержку со стороны центральных органов власти и в Киеве, и в Москве.

Деятельность совета строится в соответствии с уставом и регламентом работы. Прошло уже 11 собраний совета, поочередно в России, Украине и Белоруссии. Кроме того, состоялись рабочие совещания по направлениям здравоохранения, образования, культуры, охраны природы. При непосредственном участии совета приграничных областей было подготовлено межправительственное соглашение о сотрудничестве приграничных областей Украины и России, подписанное в январе 1995 г. Это соглашение юридически оформило деятельность приграничных областей, поставило их на законодательную основу. В соответствии с ним была подготовлена программа по реализации сотрудничества областей. Однако эта программа, к сожалению, пока реализуется слабо, концептуально не определена политика центра — Москвы и Киева. Для того, чтобы решить дальнейшие юридические вопросы сотрудничества нам необходим закон о приграничных областях. Проект такого закона был подготовлен российской стороной и рас-

сма тривался на совете приграничных областей, передавался для изучения украинской стороне, депутатам Верховной Рады. Мы надеемся, что принятие этого закона развяжет некоторые узлы в сотрудничестве приграничных областей.

Вся работа совета строится в соответствии с Европейской рыночной конвенцией о приграничном сотрудничестве. Украина уже присоединилась к этой конвенции. Заслуживает поддержки инициативная роль МИД России по проведению совместных с различными европейскими институтами международных конференций, семинаров, которые прошли в Москве, Санкт-Петербурге, Астрахани, Калининграде; в них участвовали также и наши украинские партнеры. Присоединение России к этой конвенции, несомненно будет способствовать дальнейшему развитию сотрудничества приграничных областей.

ИНТЕГРАЦИОННЫЙ И ДИЗИНТЕГРАЦИОННЫЙ КОМПОНЕНТЫ В СТРАТЕГИИ ТРАНСФОРМАЦИИ УКРАИНСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Владимир СИДЕНКО — кандидат экономических наук, заведующий отделом ИМЭМО НАН Украины, член редколлегии журнала "Политическая мысль"

Со времени обретения государственной независимости в 1991 г. руководители Украины уделяли первостепенное внимание вопросам геополитической и тесно связанной с ней геоэкономической реструктуризации. Причем в первоначальный период эта задача возникла скорее не как важный элемент системных социально-экономических реформ (последние, как известно, в Украине долгое время лишь имитировались), а как средство закрепления независимого государственного статуса, его внешней легитимации. Эта стратегическая установка в условиях объективно сохраняющейся значительной экономической зависимости от России и в значительно меньшей степени — от других государств СНГ — породила своеобразную двухвекторную внешнеэкономическую линию поведения:

— во-первых, стараться сохранять по мере возможности благоприятные условия внешнего снабжения энерго- и материалоёмкой украинской экономики и более-менее стабильные условия для сбыта ее продукции, выпускаемой предприятиями, являющимися в большинстве случаев неконкурентоспособными на международных рынках за пределами СНГ; отсюда — постоянные реверансы в сторону приоритетности сотрудничества с Россией и странами СНГ в целом;

— во-вторых, всемерно стимулировать географическую диверсификацию структуры внешнеэкономических связей Украины с целью стратегического ослабления вышеуказанных зависимостей, унаследованных от бывшего Советского Союза, и создания предпосылок для интеграции в альтернативные — общемировые и европейские — экономические структуры; и здесь мы видим неизменное выдвижение направления сотрудничества с Европейским Союзом в качестве одного из главнейших приоритетов внешнеэкономической политики Украины.

Следует, однако, заметить, что указанная двухвекторность выражала совершенно различные по сути стратегические приоритеты. Если в первом случае речь шла о скорее вынужденных мерах, вытекающих из текущей неадекватности экономики Украины требованиям, предъявляемым в более развитых геоэкономических образованиях типа ЕС, то во втором — о желанной, но трудноосуществимой цели. Поэтому в первом случае, вопреки всей проСНГовской риторике, в Украине, по существу, подразумевали не механизм многосторонней интеграции, а "средство цивилизованного развода", т.е. управляемой и постепенной дезинтеграции с компенсирующей ролью двусторонних механизмов отношений. Это и предопределило отношение Украины к многосторонним планам

интеграционных мероприятий в рамках СНГ и его межгосударственным органом, что, в конечном счете, с учетом аналогичной или сходной позиции целого ряда других государств не могло не отразиться негативным образом на эффективности многосторонних интеграционных усилий.

Вместе с тем отмеченная политико-стратегическая парадигма изначально была ущербной, что значительно усугубило трудности первых этапов независимого развития Украины.

Прежде всего, в высшей степени сдержанная позиция Украины относительно интеграционного (а вернее, реинтеграционного) процесса в рамках экономического союза стран-членов СНГ не только создает у ее партнеров по двусторонним отношениям сомнения в ее долгосрочной заинтересованности в развитии стабильных и динамичных взаимных внешних связей. Сколь бы ни отстаивало украинское руководство тезис о приоритетности и достаточности в современных условиях двусторонних связей, реалии современного мирового развития совсем иные — все более широкое распространение региональных интеграционных объединений, позволяющих их участникам получать несравненно большие экономические выгоды, чем это возможно в ограниченных рамках двусторонних отношений.

Торможение интеграции (или реинтеграции) Украины в структуры "на Востоке" отнюдь не стимулирует интеграцию в западные структуры. По многим базовым социально-экономическим параметрам Украина не просто отстает от членов ЕС: ее отставание носит системный характер. Это предопределяет неизбежность истечения десятилетий, прежде чем эта страна будет представлять для нынешних членов Евросоюза интерес как стратегический партнер, а не как объект для их экономической экспансии.

Более того, отсутствие синхронизации между процессами дезинтеграции в одном направлении и интеграции — в другом приводит к тому, что страна как бы зависит, по своей собственной инициативе, в геоэкономическом вакууме, усиливая и без того достаточно сильные моменты неопределенности в своей трансформационной политике. А неопределенность, неуверенность неизбежно трансформируется во вполне осязаемые экономические недуги: сокращение инвестиций, потерю рынков сбыта, нарушение внешнего равновесия и т.д. Эти условия, связанные с политикой дезинтеграции, — отнюдь не лучшие с точки зрения перспектив интеграции в европейские экономические структуры. Так что дезинтеграция "на Востоке" отнюдь не освобождает место, как думали многие в Украине, для интеграции "на Западе": она просто превращается в разрушительный самоподдерживающийся процесс, изолирующий экономику страны от более развитых геоэкономических образований.

Выбор интеграционно-дезинтеграционной стратегии оказывается самым тесным образом связанным и со структурными аспектами внутренних экономических преобразований. При этом следует учитывать, что, при всей кризисности бывшей советской экономики, Украина, как и некоторые другие новые независимые государства, вступили в трансформационный период в качестве стран с индустриально развитой

структурой, подкрепленной достаточно высоким уровнем развития гуманитарного капитала. И хотя в этом секторе были и остаются значительные проблемы в аспекте международной конкурентоспособности, ориентиры вхождения в общемировую цивилизацию в качестве развитой страны, а не страны "третьего мира", немалой частью населения и в Украине, и в России рассматриваются, помимо всего прочего, и как важные элементы общественной системы ценностей, разрушение которых не воспринимается как приемлемая цена перехода к рыночной демократии.

Но суть проблемы как раз и заключается в том, что стратегия ускоренного вхождения в общемировые и европейские структуры и принятия, таким образом, имманентных развитым рыночным системам "правил игры", основанных на свободе перелива товаров, услуг, капитала и труда, свободе конкуренции, связана со значительным риском глубокой деиндустриализации, детехнологизации и дегуманизации под воздействием массовых экономических потерь из-за недостаточной, но в принципе достижимой международной конкурентоспособности.

Широко распространенное и стимулируемое западными советниками мнение относительно необходимости радикальных реформ для достижения их гарантированного конечного успеха отнюдь не доказало практически, что является путем к нахождению адекватной трансформационной траектории. Напротив, реальная практика преобразований и в Украине, и в России, да и в других странах СНГ, показала, что нередко радикальные подходы оборачиваются — в силу неспособности субъектов формирующих рыночных отношений быстро адаптироваться к форсированным изменениям — своеобразным кризисом адаптации, неспособностью обеспечить свое стабильное развитие на основе новых принципов и ориентиров. Это приводит, в конечном счете, к инстинктивному отторжению политики интенсивных реформ, их дискредитации. Причем это негативное восприятие многократно усиливается тем обстоятельством, что первыми жертвами кризиса адаптации выступают как раз сложнорганизованные производственные, научно-технические системы и обеспечивающий их гуманитарный капитал, а сами эти жертвы ассоциируются с активизирующимся взаимодействием со странами Запада и международными финансовыми организациями.

К сожалению, практическая политика Запада, методы и направления его помощи в деле радикальной социально-экономической трансформации Украины дают все больше аргументов в пользу вывода о том, что его содействие предопределяется вовсе не стратегией поддержки экономической модернизации в этой стране. Скорее речь может идти о задаче расширения западного геополитического и геоэкономического пространства в преддверии неизбежного усиления противоборства с восточноазиатским регионом и возможного возобновления в будущем противостояния Запада с Россией. И это серьезный повод для украинских политиков задуматься над тем, соответствует ли такой геостратегический расклад долговременным национальным интересам Украины и стоит ли ради его осуществления дрейфовать с Востока на Запад.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ АСПЕКТЫ УКРАИНО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Андрей ЛУКЬЯНОВ — старший научный сотрудник Украинской академии внешней торговли

Подписание "Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией", недавние контакты и договоренности на высшем уровне вселяют определенную надежду на нормализацию и более динамичное развитие украинско-российских внешнеэкономических связей.

Это особенно актуально, исходя из того, что приблизительно 45% украинского экспорта и более 51% импорта связано с российским рынком.

Экспорт России в Украину формируется преимущественно за счет энергоносителей (77%), а также машин и оборудования (12,5%). В российский импорт ведущую роль играют продовольственные товары и сырье для их производства (27%), машины и оборудование (19%), черные и цветные металлы (9,5%).

На украинском рынке Россия закупает 14,2% всех товаров, которые импортирует.

Масштабы и динамика российско-украинского сотрудничества определяются различными факторами, в первую очередь, территориальной близостью, сетью нефте- и газопроводов, которые идут из России через Украину в Западную Европу, технологическими и сырьевыми связями многих предприятий (особенно ВПК), высоким уровнем их специализации и кооперации.

В то же время, несмотря на значительные масштабы российско-украинского товарооборота (более 14 млрд. дол. в 1996 г.), в экономических связях с Россией решены далеко не все проблемы. Одна из наиболее острых — задолженность Украины. Как известно, основная часть ее государственного долга России (2,7 млрд. дол.) по договоренности сторон была реструктуризована на 12 лет. Достигнута также договоренность относительно расщепления части "газовых" долгов (1,4 млрд. дол.). В 1995 г. Россия в счет платы за проценты получила 220 млн. дол., а в 1996 г. — 600 млн. дол. Украинская сторона осуществляет сегодня разные мероприятия относительно погашения "газовой" задолженности, поставляя России трубы, сахар, строя дома для газовщиков и т. п.

Во внешнеэкономических связях России и Украины важное место занимает торговля услугами. Ввиду своего геостратегического положения Украина выполняет роль главного транспортного коридора для вывоза российских товаров на Запад.

Наглядное представление о масштабах транзита дают данные о поставках российского газа и нефти в страны дальнего зарубежья, которые осуществляются через территорию Украины. В 1994 г. Россия

экспортировала 91,7 млн. т. нефти и 109,4 млрд. куб. м. природного газа, в 1995 г., соответственно, 100,4 млн. т. и 123,4 млрд. куб. м., в 1996 г. — 125,6 млн. т. и 196,5 млрд. куб. м.

Следует особенно отметить, что в торговых связях Украины и России в последнее время обострились проблемы внешнеэкономической регуляции.

Как известно, согласно Указу Президента РФ было принято решение о взыскании с 31 сентября 1996 г. НДС со всех украинских товаров, ввозимых в Россию. 31 января 1997 г., в соответствии с постановлением Правительства РФ, были введены квоты на ввоз водки и этилового спирта.

В свою очередь, решением Кабинета Министров Украины от 1 сентября 1996 г. была повышена ставка ввозной пошлины на уголь, с 1 декабря 1996 г. запрещен ввоз на таможенную территорию Украины давальческого сахара-сырца. С 26 ноября 1996 г. были увеличены украинские импортные пошлины на 318 видов товаров, преимущественно на машины и оборудование, а также на целлюлозную вату, бумагу и картон.

Вышеуказанные действия (особенно с российской стороны) практически привели к положению "торговой войны". Это, совершенно ясно, отразилось на товарообороте между Украиной и Россией, который сократился в 1 полугодии 1997 г. почти на 17%.

Не новость, что дискриминационная внешнеэкономическая политика России представляет собой существенную угрозу экономической безопасности нашего государства.

Вместе с тем следует отметить, что проблемы украинско-российских торговых отношений со дня провозглашения независимости Украины прорабатывались не слишком глубоко, без надлежащего научного анализа, и их постоянно дезориентировало смещение акцентов. Недалекой оказалась и попытка перенести определенные политические акценты на экономические взаимоотношения. И сегодня при определении приоритетов очень важно исходить не из позиций игнорирования "российского фактора", а из умения проводить с учетом этого фактора конструктивную государственную внешнеэкономическую политику.

Как известно, в ходе последних интенсивных встреч и переговоров на межгосударственном уровне (ноябрь 1997 г.) наметилась определенная тенденция к улучшению состояния российско-украинского торгового сотрудничества. Так, с начала следующего года импортные пошлины на сахар, который поставляется в Россию, будут сняты. Импортная "сахарная" квота для Украины составляет на 1998 г. 600 тыс. тонн. Достигнута договоренность о расширении перечня товаров критического импорта и определен перечень товаров по кооперативным поставкам, согласно которому взаимоборот поставок намечено осуществлять уже с 1 января 1998 г. Согласован график погашения задолженностей Украины коллективными по российским военным заказам, а также задолженностей физическим лицам Украины по линии "Внешэкономбанка".

Вообще, возможности расширения торговли между Россией и Украиной далеко не исчерпаны. Это, прежде всего, касается таких перспективных направлений, как:

- углубление сотрудничества пограничных областей в разных отраслях промышленности и АПК;
- усовершенствование различных форм расчетов предприятий и банков;
- доставка внешнеторговых грузов разными видами транспорта;
- разработка одинаковых условий для инвестиционной деятельности и расширения объемов капиталовложений, направленных на хозяйственное развитие страны;
- создание промышленно-финансовых групп (ПФГ), консорциумов и т.п.

Безусловно, все эти вопросы должны найти свое отражение в долгосрочной программе экономического партнерства между Украиной и Россией до 2010 г., которую намечено подписать во время официального визита президента Леонида Кучмы в Москву.

ИДЕАЛ ЗАПАДА И РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ ДЛЯ УКРАИНЫ

Евгений БЫСТРИЦКИЙ — заведующий отделом Института философии НАН Украины

Одновременно с возникновением новой политической карты Центральной и Восточной Европы после 1991 года для мозаики стран, утвердившихся на территории бывшего Советского Союза, и, возможно, в меньшей мере для стран бывшего соцлагеря, возникает *дилемма Запада и России*. Эта дилемма организует политическое сознание постсоветского человека в самом широком смысле — на основе его культурных, цивилизационных предпочтений. Выбор контр-/про- российских или западных ориентаций не является ситуативным рефлексом первых посткоммунистических (нероссийских) властей для аффективного пропагандистского обеспечения собственной политической дееспособности внутри и вне страны. Не есть такой выбор и исторически случайным. За видимой подвижностью и релятивностью геополитических предпочтений посткоммунистических стран имеет смысл искать устойчивую культурную конституцию Европы, некоторое культурно-историческое априори геополитики.

Геокультурная ориентация украинской идентичности

В понятие идентичности, постоянства или соответствия самому себе, самоочевидно входит смысл отъединенности от всего иного. Даже самые поверхностные обращения к культурной истории дают основания утверждать, что все проявления украинской идентичности сопровождаются достаточно осознанным стремлением прежде всего культурного объединения. Этот известный факт важен не просто тем, что он свидетельствует о естественной установке сообществ на самоорганизацию своей социально-культурной формы жизни и желанием этнонационального самоопределения, например, говоря об украинской истории, по отношению к Польше или России. Он интересен тем, что во всех случаях всплесков культурной идентичности (мы называем их *украинскими возрождениями*) установка на самостоятельность обнаруживает более универсальную культурную предпосылку — *геокультурную ориентацию на Запад*, на то, что имеет смысл, вслед за "Парижскими докладами" Э. Гуссерля, называть исторической телеологией европейской культуры или идей Запада.

Осознание западного геокультурного вектора нарастает с каждым украинским возрождением. Историческое подозрение одного из последовательных охранителей, скажем так, русской православной идентичности — отца Григория Флоровского в том, что и после присоединения западных малороссийских регионов, а также религиозной деятельности Петра Могилы "известный налет протестантизма навсегда остался в украинском народном складе, несмотря на очень сильное влияние лати-

низма впоследствии" (*Пути русского богословия*. — Paris, YMKA-PRESS, 1988. — С.37) становится оправданным на фоне четко сформулированного устремления украинских интеллектуалов конца 20-х — начала 30-х годов нашего столетия "от психологической Москвы к психологической Европе!"

В последнем лозунге, отчеканенном Миколой Хавильовым во время кульминации настроений послереволюционной европейской модернизации (напомним о воплощении архитектурного конструктивизма в стиле Баухауза в Доме Госпрома, построенном в первой столице Украины Харькове в это время), ясно выражена сознательная установка на поворот от, как сказали бы мы сегодня, "менталитета" московско-русского к непосредственному европейскому влиянию.

Украинская, еще революционная (20—30-х годов), модернизация нашего столетия выбирает путь к воображаемой Европе не через официальные разрешения Москвы, а непосредственно, напрямую. Лозунг "от Москвы к Европе!" прямо совпадает с культурным движением, особенно проявившимся в литературе, сознательно ищущим истоки в одной из культурных европейских основ — античности. "Ad fontes!" ("До джерел!", "К истокам!") — доводит до конца культурно-исторические искания Микола Зеров, представитель движения украинских неоклассиков 20—30-х годов. Иначе говоря, украинские возрождения опираются в конечном счете на более универсальную геокультурную предпосылку этнонациональной идентичности — идею Европы, Запада.

Этот вывод подтверждают и различия в культурных смыслах легитимаций посткоммунистических режимов России и Украины.

Культурполитическая легитимация посткоммунистической власти и проблемы европейской идентичности

Посткоммунистическая власть быстро распознала важность и практическую выгоду культурполитической легитимации, когда в самом своем начале обратилась к этнонациональным формам жизни и национальным идеям (русской и украинской) как, фактически, последней основе собственной легитимации. Начиная с Ельцина на танке под российский триколором и кончая полным риторическим единством первого Президента Украины с лозунгами Руха перестроечных времен (хотя еще вчера он был его непримиримым идеологическим противником), именно культурполитические действия осознавались как единственно возможный путь к самолегитимации новой власти.

Очевидно, что в условиях сознательного отречения от старой идеологии как новой политической элите, так и народу было насущно необходимо отыскать систему иных, максимально устойчивых — традиционных ценностей. Без этого просто невозможна осмысленная и половечески значимая жизнь. В качестве такой предельной основы и актуализируется геополитически акцентированный образ своего культурного мира.

Вне понимания культуры как фактора культурполитического, то есть *вне признания культуры одной из решающих предпосылок легитимации посткоммунистической власти*, а значит, ее суверенизации в международных делах, едва ли удастся правильно определить смысл конфликта разединения, равно как и возможности налаживания полноценного междоусловного диалога Украины, России и Запада.

Проблема легитимации посткоммунистической власти — это лишь обратная сторона не менее важной проблемы собственной, в том числе личной, идентичности. В первом случае власть ищет оснований для признания общественной значимости ее действий, во втором — люди пытаются отыскать общественный, коллективный смысл персональной жизненной активности. В обоих случаях именно этнонациональные формы жизни, культурные традиции приобретают оправдательное, узаконивающее, т.е. легитимирующее значение.

В политическом, геокультурном смысле распад СССР переживается очевидно несимметрично. Превосуществование современной России в смысле ее политического наследия дает формальный повод говорить о переживании этого процесса в терминах отщепления от российского материка самостоятельных, независимых культурных миров и якобы их утраты. То же происходит и с точки зрения культурного самоопределения новой России и ее граждан: неизбежные апелляции к традиционной (докommунитической) идентичности повсеместно натапливаются на память об имперском единстве народов. Иначе говоря, для России — для ее истребителя, так же, как и для населения — процесс упрочения нового политического режима приобретает драматически противоречивый характер.

Ведь вся их возможная легитимация на основе возрождения "собственной" культурно-исторической традиции (возьмем хотя бы примеры государственного флага и герба) неизбежно оказывается замкнутой в пределах наций исторически общего культурного мира старой России и недавнего СССР. Как раз поэтому российской самостоятельность, политическое самоутверждение независимой России не могут не основываться на сохранении всеми возможными средствами целостности того, легитимирующего их сегодня, культурного мира (или его образа). Поэтому так по-разному в России переживали отпад Украины и Белоруссии, с одной стороны, и новообращенных уже в годы советской истории прибалтов — с другой. И уже совсем она не готова к тому, чтобы вместе, скажем, с Чечней потерять последний оплот целостности традиционного российского мира.

Противоречивость политического самообоснования новейшей России с культурполитической точки зрения представляется неизбежной. Либерально и демократически ориентированные действия в политике вынуждены искать легитимации на пути обращения к культуримперским традициям и ценностям. Политическая риторика испытывает формально-логические затруднения: с одной стороны, берите себе столько независимости, сколько вы способны взять, а с другой — необходимо знать

меру, которую никто не в состоянии рационально просчитать и определить.

Такая же двусмысленность в культурполитических ориентациях оставляет открытым (с условной точки зрения "изнутри России") единственно приемлемый путь решения проблемы межкультурных споров и столкновений. Это установка видения культуротношений в единой перспективе объединения, "собираания", или, если угодно, посткоммунистической соборности.

Если применить тот же анализ к культурполитической ситуации в Украине, то выводы будут прямо противоположными. Проблемы легитимности посткоммунистической власти в Украине решаются в контексте волевого отъединения своей традиции, собственного культурного мира от других культурполитических миров, особенно от России. В первые годы независимости среди наиболее активной тогда части политиков и у резонеров идентичности преобладала риторика отторжения русской (российской) культуры, резюмируясь в лозунге "Подальше от Москвы!" Геополитический вектор отторжения был направлен "от России", а там, куда он был нацелен, оставалось не много евразийского смысла.

Крайне серьезным в отношениях между Россией и Украиной является то, что суверенизация на культурполитических основаниях выходит за узкие рамки межнационального размежевания и приобретает международное геополитическое значение. Факт политического разделения двух самых близких славянских культур потенциально скрывает в себе намного более радикальный смысл разлома геополитически различных миров — Европы, Запада и России — и их возможных конфликтов.

Упрощенно говоря, глобализация культурполитики до пределов противопоставления цивилизации Запада и Востока (Европы и Евразии) становится понятной, если поставить следующий вопрос. Как политические режимы посткоммунистических стран могут решиться на какие-либо дальнейшие изменения политики? Конечно же, речь идет прежде всего об изменениях в благоприятном для власти направлении — легализации ее меньшей контролируемости и большей меры властного насилия по отношению к населению. Теоретически это требовало бы новой степени легитимности, особенно в условиях экономического неблагоденствия и кризиса.

Две стратегии легитимации посткоммунистической власти

Новые шаги в самолегитимации власти требуют смены стратегии. Первичная форма закрепления новой власти основывалась на, скажем так, *естественном* обращении к внеполитическим массовым ценностям, то есть к национальным, культурным идеям и значениям. Очевидно, что свободное и массовое (демократическое) признание законности власти должно основываться на чем-то, что является авторитетом большим, нежели ее властные действия. Возможностей новых стратегий легитимации посткоммунистической власти, я думаю, существует только две.

Первая стратегия легитимации требует в дальнейшем идеологической опоры на более универсальное представление о самоценности "нашей" культурной идентичности, чем существовавшее до сегодняшнего дня. То есть речь идет об интенсивном развитии первых успехов закрепления новой власти.

Уже существующее в посткоммунистических странах противопоставление прежде всего "Западу", "Америке" и т.п. является неизбежным следствием потребности в более универсализованной системе легитимирующих ценностей, чем та, на которую опиралась первая посткоммунистическая власть. Такое противопоставление — не только рефлекторный ответ на внешнее политическое силовое давление. Противопоставление Западу — это в значительной степени внешнеполитический параврафраз внутренней необходимости стать на более высокую ступеньку культурполитической легитимации посткоммунистической власти. Возникает уже не просто потребность в ограниченной традиционными рамками русской идее, а легитимационная жажда глобальной евразийской идеологии как ее экстенсивного, геополитического продолжения. Разговоры об евразийской идентичности и фундаментальных российских ценностях, по жизненно-смысловым границам которых пролегал вездораздел между протестантской и католической, индивидуалистической Европой, с одной стороны, и православной общинной Россией — с другой, в этом смысле являются закономерной ассимиляцией в языке современных политиков изобретенного безэмигрантами евразийства.

Для отношений Украины и России подобная глобализация проблемы культурной идентичности влечет за собой еще слабо ощутимые последствия. Стоит лишь начать поиски в этом направлении, как мгновенно выстроится четкая система безукоризненно доказанных исторических знаний и исторической памяти, которая обесчестит наличие подливной деятельности с той или другой стороны в границах общего культурного существования.

Глобализация культурполитики, то есть сращение культуры и власти, политики и культуры, способна обозначить новый геокультурный разлом и новую систему глобального противостояния.

Вторая стратегия — это интенсивная самолегитимация посткоммунистической власти. Ее следует назвать *юридически-силовой*.

Первичная легализация властных институтов в кризисных условиях посткоммунистических трансформаций позволила несоизмеримо с коммунистическим прошлым укрепить их экономическое (через прямое влияние на декоммунализацию собственности) и собственно властное (через неомоментальное влияние) положение в деструктурированном крахом коммунизма обществе. В этих условиях отправление прямых, юридически безупречных (не будем здесь принимать в расчет недоразвитость новой законодательной базы) властно-силовых функций легко совпадает с нормативизацией вторичного базиса легитимности — связыванием общества сетью распорядительных, контролирующих, предрешающих и т.п. действий. Процесс пошел, и его социально-

экономическая инерция — самая надежная основа юридически-силовой самолегитимации посткоммунистической власти.

Второй путь — прекрасная основа для сотрудничества, в том числе стратегического, на порошечем для властей в посткоммунистических обществах России и Украины, обновленном плацдарме самолегитимации. Отсюда и новые для наших политиков декларации о некоторых общих интересах, первые публичные шаги навстречу.

Конечно же, жизнь сложнее приведенной схемы легитимаций. На деле эти два типа легитимации существуют и будут существовать параллельно, влияя на "командиров" России и Украины одновременно, создавая ту двусмысленность и неувяжицу в наших межгосударственных отношениях, которую мы наблюдаем уже сегодня вне зависимости от экономических конфликтов со стороны капитализирующихся предприятий. С одной стороны, Украина тяготеет к жетам в сторону НАТО и объединенной Европы, с другой — тут же проводит совместные военные маневры с Россией. С одной стороны, Россия полностью признает независимость Украины, но с другой — дает понять свое неприятие европейских телодвижений украинских политиков. Такова принципиально двузначная реальность.

Реальность России и идея Европы для Украины

По удачному замечанию В.Дильтея, в понятие реальности входит значение сопротивляемости нашим действиям со стороны чего-то. Исходя из различия легитимационных процессов в России и в Украине, я думаю, можно говорить о потенциальном сопротивлении нероссийским геокультурным ориентациям стран, возникших на ее исторической территории.

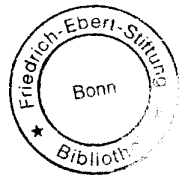
В этом отношении идея Запада приобретает, назовем это так, *формальное освободительное* значение для наций ближнего российского зарубежья, в том числе и для Украины. Но это только часть ответа на существующую дилемму России и Запада. Гораздо интереснее факт *совпадения по содержанию* идеи Запада и посткоммунистической нужды в политической, социально-экономической и культурной модернизации Украины.

С этой точки зрения совокупный образ Запада предстает как регулятивный европейский идеал политической культуры, т.е. как геокультурная альтернатива сегодняшней политической жизни посткоммунистических стран. Западноевропейская культура общественной конвенции (договора), верховенства права, либерального рынка, обмена и взаимной субсидиарности, договорной справедливости и безусловной морали и т.д. мыслится как идеальное условие преодоления главных болезней посткоммунизма — всеобщей коррумпированности и преступной корпоративности власти и общества из-за отсутствия действенной публичной сферы. *Явное или неявное политическое сопротивление идее-ному движению на Запад*, какими бы "вышшими", в том числе "культурными" соображениями ("братских", "родственных", "ближних",

"славянских" культур и т.п.), оно ни обосновывалось, в этом контексте поэтому есть *скрытая или открытая апологетика посткоммунистического кризиса*.

Сделанный вывод в определенной степени приложим и к ситуации в самой России, однако сталкивается здесь с вязкой альтернативой западничества и славянофильства, которую мы обозначим еще более современным способом, чем через противопоставление *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*. Речь идет прежде всего о разных способах осуществления политической жизни, различие между которыми можно было бы выразить, следуя за Л.Кольбергом и немецкими теоретиками коммуникативной этики (Ю.Хабермас, К.-О.Апель), в альтернативе конвенционального, договорно-правового и доконвенционального, традиционного типа организации общества. Но нам важнее выделить модернизационный потенциал образа Запада в перспективе трансформаций посткоммунистических режимов, России в том числе.

Вне активного формирования европейских (подчеркнем, общеевропейских, а не американских, не французских, немецких или английских) норм и ценностей политической культуры преодоление фундаментальных искажений европейской демократии в посткоммунистических странах представляется абсолютно невозможным. Мне кажется, что это наша с вами задача, по крайней мере ее просветительская формулировка.

РОССИЯ И УКРАИНА: ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Игорь ПАНТИН — политический директор журнала "Полис"

На мой взгляд, мы в России не можем ставить цель прорваться на Запад. Во-первых, потому, что Россия более национальная, более культурная и даже более цивилизационная страна — целый мир миров. И поэтому речь может идти только о том, что надо делать все, чтобы Россия стала на уровне исторических реалий конца XX — начала XXI века. Маленький исторический экскурс: концепция современной демократии, сложившаяся на основе опыта Французской революции, противопоставлена античному образцу, куда не входили ни гражданские свободы, ни свобода совести. Второе воплощение демократии связано с возникновением и кризисом так называемого социального государства. Здесь мы наблюдаем формы демократии, доходящие до утверждения не только юридического, политического, но и социального равенства граждан. Я думаю, что в особенности для России такие формы демократии чрезвычайно важны — и по историческим, и по культурным и другим направлениям, не говоря уже о том, что они более или менее обеспечивают стабильность становления общества. А эта стабильность, в свою очередь, будет воздействовать на все экономические и политические законы. Казалось бы, вопрос о современной демократии и в России, и в Украине прост: бери и вводи эту форму общественного бытия и политических отношений; но все дело в том, что современная демократия не сводится к абстракту политической демократии или правового режима. На мой взгляд, современная демократия предполагает прежде всего умение большинства граждан осознать свои интересы, способность отстаивать их законным путем, используя современные цивилизационные средства. Вот почему далеко не всегда современная демократия как некая культура ведения хозяйства и политических дел прививается к тому или иному общественному организму. В России дело обстоит еще сложнее, так как здесь существует особого рода культура — не культура диалога, а скорее культура "поравнения", культура унифицирования. Думаю, что и в России, и в Украине сформировался определенный антитоталитарный консенсус. Но если в Украине это, я бы так назвал, национальная демократия, то в России антитоталитарный консенсус принял форму либеральной антикоммунистической демократии. По моему мнению, ни в России, ни в Украине эти образцы еще не достигают до современной демократии. Это, если угодно, психологическое единство определенных групп, может быть, большинства населения отнюдь не неких целей, но это не форма работающей демократии. Коммунизм для них, на мой взгляд, — скорее объект отрицания, а не катализатор процесса, выходящего за рамки собственно борьбы с коммунизмом и тоталитаризмом. Отрицая коммунистический тоталитаризм, Россия далеко не ушла от предмета своего отрицания.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ВЛАСТИ В ПОСТСОВЕТСКИХ УКРАИНЕ И РОССИИ

Владимир ПОЛОХАЛО — главный редактор журнала "Політична думка"

Для более глубокого понимания ситуации, сложившейся в посткоммунистических Украине и России в конце XX века, в том числе — интеллектуальной ситуации, есть смысл обратиться к анализу взаимоотношений посткоммунистической системы с интеллектуалами.

В связи с этим очень важно найти правильный ответ на вопрос: каковы место и роль интеллектуалов в посткоммунистических преобразованиях; какими возможностями влияния на политическую власть, политику вообще, они будут обладать в будущем? Наконец, способны ли интеллектуалы повлиять на сам выбор альтернатив общественного развития в Украине и России, как в других постсоветских государствах — и на рубеже столетий, и в ближайшие 20 лет?

Практика посткоммунистического развития свидетельствует о глубокой не только материальной, а прежде всего об идейно-политической дифференциации интеллектуалов, интеллигенции. Во всяком случае во всех без исключения посткоммунистических странах интеллектуалы не представляют собой однородной, монолитной массы: не столько по своему социальному статусу, сколько по степени своей социальной активности, влияния на интеллектуальную и политическую жизнь общества, по своим мировоззренческим установкам, стереотипам и образцам поведения, по характеру отношений к посткоммунистической власти, по своим ценностям, социокультурным и идейно-политическим ориентациям.

В этом смысле я выделил бы пять основных категорий (групп) среди весьма пестрого и амальгамного слоя интеллектуалов, каждая из которых — в тех или иных бывших социалистических странах — играет определенную роль в социально-экономических и политических преобразованиях.

Первая группа — "официальные интеллектуалы". Это категория, которую можно назвать интеллектуалами-идеологами (штатные "референты", "консультанты", "советники", "помощники" и т.д., а также нештатные, функционально родственные им и ангажированные посткоммунистическим режимом высокооплачиваемые представители науки и культуры, литературы и искусства). Интеллектуалы-идеологи были непосредственно инкорпорированы правящим политическим классом — бывшей партийно-государственной номенклатурой — с единственной и основной целью: для эффективного политико-идеологического обеспечения (легитимации) функционирования посткоммунистического режима. Наградой же за это являются возможности накопления "связей" и привилегий, доступ к распределению и перераспределению материальных благ, гораздо лучшее, чем у большинства интеллигентов, обустройство своего предметно-эмпирического бытия. Определенную часть "интеллектуалов-идеологов" отличают незаурядные способности, сила воли, неординарность. Среди "официальных интеллектуалов" большинство

тех, кто скептически относится к демократическим ценностям и идеалам либо и вовсе не верит в них; пробиваясь на вершину власти из карьерных, прагматических соображений, многие считают своих патронов недостаточно интеллектуальными. Впрочем, в этом случае речь идет не об амбивалентности их сознания, а скорее о совпадении их внутренних интеллектуальных, культурных и прагматических интенций.

Вторую, довольно многочисленную группу (перманентно самовоспроизводящуюся) составляют "интеллектуалы — клерки" (гуманитарии и tecnokraty); они изначально стали "добычей" посткоммунистической власти и при любых условиях не конфликтуют с ней. Эта категория не входит непосредственно в посткоммунистическую номенклатуру, но тесно с ней сотрудничает; по собственной воле она выполняет важную функцию ее внештатных клерков, в частности, принимает активное участие в написании всяческих справок, информационных материалов, в проведении разнообразных официальных акций, проявляя иногда гипертрофированную сервилистскую лояльность к власти. Эта группа — резерв для правящего политического класса, а также для "интеллектуалов-идеологов". По сути, эта группа "интеллектуалов-клерков", независимо от своего социального статуса и материального благополучия, являются наиболее надежной опорой для посткоммунистической бюрократии.

Третья, самая многочисленная группа в эпоху посткоммунизма (и в бывшем СССР, и в странах Центрально-Восточной Европы), — это "интеллектуалы-конформисты". Большинство из них, традиционно политически пассивное, являются индифферентными к официально декларируемым ценностям, живя по своим собственным предписаниям; их внутренних мир является самодостаточным. Отношения представителей этой категории с посткоммунистической властью изначально оказались двусмысленными: власть не является для "интеллектуалов-конформистов" абсолютно "чужой", но и не становится союзником, помощником в творческой реализации их способностей, продуктивных или контрпродуктивных интенций и жизненных планов. Отношения с властью не являются ни "дружбой", ни "враждой": их нельзя определить ни в пределах конфликта, ни в пределах консенсуса. Впрочем, все большая часть "интеллектуалов-конформистов" неминуемо, вступает в латентный конфликт с посткоммунистическим режимом: ведь последнему их интеллект не нужен, он не ценит квалифицированный интеллектуальный труд. Речь идет, в частности, о тех интеллектуалах, для кого улучшение своего материального благополучия, карьера, экзистенциальная самодостаточность представляют собой важнейшую ценность, фундаментальную жизненную ориентацию, которые экстраполируются на их мировоззрение в целом. Разумеется, они не идут на публичный конфликт с властью, ведь переход в оппозицию требуют значительных волевых и эмоциональных затрат. Наиболее оптимальное решение этой проблемы многие из них видят в эмиграции в западные страны, которая началась еще при коммунизме и продолжается после ее падения.

Для значительной части интеллектуалов существует еще одна альтернатива — неизбежная маргинализация. "Интеллектуалы-маргиналы"

— четвертая категория интеллектуального сообщества на территории стран бывшего СССР.

Явление маргинальности, которое в общепринятых интерпретациях социологов служит для обозначения промежуточного, периферийного места относительно к тем или иным социальным обществам (хотя такое "социальное" истолкование представляется несколько упрощенным), присущее любому обществу и цивилизациям. Довольно точное универсальное описание маргинальности интеллектуала принадлежит английскому социологу Альберту Хаурану. Быть маргиналом, по его оценке, "значит жить в двух или более мирах одновременно, не принадлежа ни к одному из них. Быть в состоянии принимать внешние формы, которые определяют принадлежность к определенной национальности, религии или культуре, без действительного обладания ими. Это означает не иметь более собственной системы ценностей, а только имитировать чужую, и даже не имитировать правильно, ибо такая имитация предполагает определенную оригинальность. Это означает не принадлежать ни к какому обществу и не иметь ничего общего с обществом. Это проявляется себя в чувстве потерянности, в претенциозности, цинизме, отчаянии".

Однако именно в условиях социально-политической практики посткоммунизма феномен маргинальности является самой примечательной чертой и закономерностью общественного бытия — и социально-политического, и интеллектуально-духовного его пластов. Иными словами, интеллектуалы-маргиналы — это постоянные естественные спутники посткоммунистической политической системы; они порождаются ею, существуют с ней и, вот парадокс: наряду с другими факторами представляют собой реальную угрозу функционированию ее политических институтов. В чем заключается сущность этого парадокса? Прежде всего — в самих социальных и интеллектуальных условиях, создаваемых посткоммунистическим режимом, а именно: в отсутствии внешних стимулов для развития индивидуальности, реализации творческих возможностей, удовлетворении духовных и материальных потребностей той части интеллектуалов, внутреннего мир которых, в отличие от других составляющих интеллектуального сообщества, перестает быть самодостаточным. Определенные спорадические стремления интеллектуалов как-то реализовать себя, попытки изменить ситуацию в свою пользу каждый раз или натапливаются на полное безразличие со стороны государства. Несомненно, это не может не формировать в сознании интеллектуалов комплекса собственной неполноценности, чувства бессилия и безысходности, оборачивающегося фрустрациями, нравственным и психологическим кризисами: проблематизируются сами основания их существования. Все это не может не приводить к возникновению противоречий и даже конфликтов, к спонтанному, интуитивному или осознанному отчуждению от власти. Маргинальность ценностных и идеологических ориентаций, имманентная интеллектуалам, обусловила [особенно в процессе быстрых, динамичных общественных изменений] публичное выражение противоречивых, как правило, контрпродуктивных намерений и желаний. Примечательно, что диапазон самопроявления и

самоутверждения интеллектуалов-маргиналов в конкретных социально-политических измерениях является чрезвычайно широким и изменчивым: от оппозиции по отношению к политическому режиму до полной социальной апатии и изолированности от жизни общества; от улучшения своего социального статуса до абсолютной социальной деградации (речь идет, в частности, о сращивании их с криминальным миром, а также об алкоголизме, наркомании, суициде, в чем они нередко усматривают единственный выход из тупиковой ситуации и т.п.).

И, наконец, пятая, наименьшая по количеству группа — это “независимые интеллектуалы”. Многие из них, ориентируясь на общечеловеческие, либеральные ценности, пока не стали на путь активной политической деятельности, направленной против политического режима в Украине и России. Однако следует иметь в виду, что именно “независимые интеллектуалы” первыми осознали, избавляясь от иллюзий, что за последние годы обозначились существенные качественные отличия в политических реалиях, скажем, Польши и Чехии — с одной стороны, и Украины и России — с другой. Первые две, по их мнению, как и некоторые другие посткоммунистические страны Центрально-Восточной Европы, имеют ныне гораздо большие шансы для дальнейших и необратимых демократических преобразований. Ведь эти страны после распада социалистического лагеря имели качественно иные исходные условия для политической и социально-экономической модернизации. Социальный, политический и культурный генезис коммунизма в России и Украине радикально отличается, например, от генезиса коммунизма в бывшей Чехословакии, имевшей демократический строй в межвоенные годы. В Польше и Венгрии коммунистическим режимом не был уничтожен средний класс — основная социальная предпосылка демократии. Однако политическая реальность в других двух упомянутых странах, как и в большинстве постсоветских государств бывшего СССР, остается противоречивой и неопределенной. Перспективы дальнейшего посткоммунистического развития в этих странах, о чем свидетельствуют эмпирические и теоретические наблюдения, нельзя вписать в рамки какого-то одного сценария, скажем, демократического. Во всяком случае, как считают независимые интеллектуалы, в Украине и России происходит отчуждение большинства общества от власти при одновременной зависимости от нее, отторжение (или регрессивное преобразование) властью действительных демократических реформаторских импульсов (сигналов) и инноваций, поступающих от тех или иных общественных групп, прежде всего, от интеллектуального сообщества. А так называемые анти тоталитарные революции 1989—1991 годов и дальнейшее общественное развитие, во всяком случае, в большинстве стран бывшего СССР лишь внешне изменило структуру власти и публично засвидетельствовало истории и человеческому сообществу прощание с коммунизмом как государственной идеологией, но зато сберегло неизменными сущность властных отношений (вместе со старыми матрицами для их самовоспроизведения) и старый руководящий политический класс, правда, частично устранив его верхушку.